

мирная их и была & многообразие и
унылость там и прёт!)

азываемся: корнестомбисем, когда
есть уметь что-то или одному
повторяющимся, а следовательно,
, если идешь ей него ответов и
"корнестомбисем" такие образом.
но - не знаешь получить? Вот и -
но и есть - получить..

бисе-это прежде всего предвзвешенное
желание выведать и
и что уметь есть в какой-то
и-то мере это профессиональное
сказать, то я извиняю ее, и
одиноч к человеку без желания
мираем неизмеримо больше,
идея, "что-то.."

Ольга Берггольц: Смерти не было и нет

Наталья
Громова

18+

Литературные биографии

Наталья Громова

**Ольга Берггольц: Смерти
не было и нет. Опыт
прочтения судьбы**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1.09 Берггольц О.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Берггольц О.

Громова Н. А.

Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы / Н. А. Громова — «АСТ», 2017 — (Литературные биографии)

ISBN 978-5-17-096857-2

Наталья Громова – прозаик, исследователь литературного быта 1920–30-х годов, автор книг «Ключ. Последняя Москва», «Скатерть Лидии Либединской», «Странники войны: воспоминания детей писателей». Новая книга Натальи Громовой «Ольга Берггольц: Смерти не было и нет» основана на дневниках и документальных материалах из личного архива О. Ф. Берггольц. Это не только история «блокадной мадонны», но и рассказ о мучительном пути освобождения советского поэта от иллюзий. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1.09 Берггольц О.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Берггольц О.

ISBN 978-5-17-096857-2

© Громова Н. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

От автора	6
Застава	8
«Милый Ленин...»	17
Конец детства. «Смена»	20
РАППы и ЛАППы	24
Белокрылая жена	26
Либединский и Муся:	30
«Республика, работа и любовь...»	33
«Такие девушки бывают только в сказке...»	37
«Слеза социализма»	40
«Меня вывезет жизнь...»	44
Юрий Герман	47
Смерть Ирины	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Громова
Ольга Берггольц:
Смерти не было и нет:
опыт прочтения судьбы

Серия «Литературные биографии»

Автор благодарит В. М. Лебединского за предоставленные фотографии и материалы из личного архива; РГАЛИ – за предоставленную возможность работать с личным архивом Ольги Берггольц и иллюстративные материалы.

© Громова Н. А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Светлой памяти
Галины Анатольевны Лебединской
посвящается

От автора

Я бы никогда не стала писать книгу об Ольге Берггольц. Но в 2006 году мне позволила Галина Лебединская – вдова Михаила Лебединского¹, племянника Ольги Берггольц. Она попросила меня прочитать дневники Берггольц, которые находились в РГАЛИ, чтобы помочь ей, как наследнице литературного архива, решить вопрос об их публикации.

Признаться, у меня был опыт подобного чтения. Но тут я засомневалась. О «ленинградской мадонне» я не так много знала, а уж давать какие-то советы... Я рассказала об этом Марии Иосифовне Белкиной, с которой тогда дружила, автору одной из лучших книг о Марине Цветаевой – «Скращение судеб». Оказалось, что Мария Иосифовна хорошо знала Ольгу Берггольц. Они познакомились в блокадном Ленинграде, куда Мария Иосифовна приехала от Совинформбюро.

Белкина вспомнила одну странную историю. Она почти никогда не знала чувства страха – такой выросла с детства. Но он все-таки настиг ее – тогда, в дни блокады.

«Тарасенков² назначил мне встречу у Олечки Берггольц, – вспоминала она. – Ее обожали в городе. Но жила она на пятом этаже в доме, где все жители вымерли, она так и сказала мне, что в квартирах больше никого нет. Лестница была крутая и в некоторых местах без перил. Я осторожно поднималась в полной темноте вверх, отсчитывая этажи, как вдруг в длинном черном коридоре, дверь которого была вырвана взрывной волной, увидела голубой огонек, который двигался на меня. Я застыла в ужасе. Первый раз в голову мне пришла мысль о привидениях, которые должны были населять эти квартиры. Я влетела на следующий этаж с абсолютно белым лицом. Тарасенков и Берггольц не могли понять, что случилось. Потом оказалось, что в подъезде остался в живых единственный древний старик, который и ходил со свечкой по коридору».

Мария Иосифовна говорила об Ольге горячо и закончила словами: «Почитайте, пожалуйста, Олечкины дневники, я уверена, что они – *настоящие*».

Я стала читать. Тетрадь за тетрадью.

Есть люди, которые рождаются с острейшим переживанием уходящего, утекающего времени. С желанием остановить, прикрепить его хотя бы к странице. Запечатлеть навсегда.

С первых же строк Ольгиного дневника было видно, что она родилась с этим чувством времени. Еще десятилетней девочкой она пыталась писать воспоминания. Удержать происходящее. А дальше на страницах – не только события, но и рассуждения о жизни. Попытки понимания своего пути...

Каждый, кто вел дневник, знает: когда спустя годы его перечитываешь, испытываешь особое чувство неловкости – трудно представить, что это писал ты, что ты *так* думал, *так* поступал. Ведь ты изменился, стал другим, и стыдно становится за прошлые откровения, излишний пафос, неумеренные признания. Желание убрать, подчистить прошлое с неизбежностью возникает почти у всех. Но Ольга Берггольц не приукрашивала и не приглаживала свою жизнь – напротив, поражает ее безоглядная открытость и беспощадность к самой себе. А ведь в ее дневниках и шельмование оппонентов в тридцатые годы, и смерть дочерей, и многочисленные романы, и откровенный рассказ о бездне лжи, открывшейся ей после тюрьмы, и мучительный надрыв блокадных дней, измены, ревность, алкоголизм...

¹ Лебединский Михаил Юрьевич (1931–2006), сын Юрия Николаевича Лебединского (1898–1959) и Марии Федоровны Берггольц (1912–2003), поменял вторую букву своей фамилии и стал Лебединским. Соответственно, такая же фамилия – у его жены и сына.

² Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909–1956), советский литературовед, литературный критик, поэт, библиофил, муж Марии Иосифовны Белкиной. В годы войны был редактором газеты Ладужской военной флотилии.

Она не прятала себя от чужих глаз – это делали за нее другие: родственники, озабоченные ее репутацией, Союз писателей, наложивший запрет на прочтение дневников. Самато она не боялась, что они станут доступны читателю. И сделала их по сути своей Главной книгой, завещанием будущим поколениям.

В то же время, и это нельзя не отметить, дневники Ольги Берггольц были записками именно советского человека, отобразившими две реальности, две правды: советскую и частную. Это были два мира, которые расходились все дальше. И всю жизнь Берггольц пыталась преодолеть растущую пропасть между внешним миром и внутренним, между верой в придуманную идею и открывшейся страшной действительностью.

Я пошла вслед за ней, распутывая ее судьбу и постепенно понимая, как мучительно пыталась она преодолеть в себе свое время: из советского человека стать просто Человеком, из советского поэта стать просто Поэтом. И оказалось, что это непосильнее, чем жизнь и подвижничество в ленинградские блокадные дни. Советская система, считая ее своей навечно, не выпускала Берггольц не только при жизни, но и после смерти, пытаясь превратить ее творчество в мертвые отлакированные страницы, как когда-то сделала с Маяковским.

Галина Лебединская, безвременно ушедшая от нас, попросила меня написать историю Ольгиной жизни. Ей казалось, что я смогу проследить судьбу Берггольц сквозь все перипетии советского времени.

На этих путях и раздумьях и возникла книга.

Моя огромная благодарность всем, кто помогал мне в этой работе. За терпение – Наталии Соколовской, за бесценную помощь – Елене Лурье, за важные сюжеты и истории – Елене Борисовне Левиной, за содействие и поддержку в поиске архивных материалов – внучатому племяннику Ольги Берггольц Виктору Лебединскому, за ценные советы – Татьяне Поздняковой, за редакторский труд и помощь – Галине Беляевой.

Отдельная благодарность директору РГАЛИ Татьяне Горяевой и руководителю отдела архивных коммуникаций Наталье Стрижковой.

При работе над книгой были использованы материалы семейного архива Лебединских, семейного архива Ирэны Гурской, материалы ГАРФа, РГАЛИ и РГАСПИ. Текст дневников приводится по изданиям, перечисленным в списке литературы в конце книги.

Наталья Громова

Застава

*За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.*

Анна Ахматова

Она всегда гордилась, что появилась на свет на Невской заставе. Как поэта ее восхищало, что жизнь именно отсюда берет свой исток. Как же могло быть иначе! Здесь активно действовали марксисты, Ленин написал свою первую агитационную листовку и первое обращение к рабочим Семянниковского завода еще в конце 1894 года.

По воспоминаниям рабочего завода, «куда ни повернешь голову, везде фабрики, заводы, мастерские. Целый лес огромных заводских труб, выбрасывающих тучи черного дыма, застилающего и без того серое питерское небо. Фабричные здания, дома, улицы и торопливо снующие люди – все окутано дымом. Отовсюду несется грохот огромных валов, прокатывающих раскаленные железные полосы, удары парового молота, от которых сотрясается земля, тяжелый шум пыхтящих паровозов, и над всеми этими звуками в воздухе висит непрерывный гул от клепки огромных паровых котлов, лежащих на земле, как гигантские гусеницы»³. Вот тут, на Невской заставе, и зарождался будущий большевизм.

Но дед Ольги – Христофор Фридрихович Берггольц, перебравшийся в Санкт-Петербург еще в XIX веке, – был совсем из другого мира. Он поселился на Невской заставе, когда ее еще только начинали застраивать фабриками и заводами, и сумел дорасти до управляющего знаменитой мануфактуры К. Паля, где не раз происходили стачки, и конечно же во время рабочих волнений был всегда на стороне своего хозяина.

Христофор Фридрихович приехал из Риги. Отец его, Фридрих Берггольц, по семейному преданию, происходил из крестьян Кулдингского уезда Курляндской губернии, имел много детей, из которых Христофор был самым младшим. «Это был голубоглазый, здоровый молодой человек, добрый лютеранин. Чистоплотный, спокойный латыш; он хорошо говорил по-латышски и по-немецки, прилично по-русски», – писала Берггольц в черновиках к автобиографическому роману «Застава».

12 мая 1879 года Христофор Фридрихович, по специальности «строительный техник», был принят на должность заведующего хозяйственной частью Александровской мануфактуры К. Я. Паля, а позже стал управляющим недвижимым имуществом фабриканта.

Поселился он в одной из ближайших к фабрике гостиниц. Там и познакомился с горничной Ольгой Михайловной Королёвой, вдовой мастера Александровского чугунолитейного завода. Она следила за его расходами, стирала белье. А затем они сошлись, как писали в старых книгах.

Муж Ольги Королевой умер от пьянства. У них было пятеро детей, но выжила только Мария. Спустя годы в дневнике от 20 февраля 1923 года мать Ольги Берггольц писала о

³ Авангард. Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х гг. Л., 1990. С. 113.

судьбе свекрови: «Сегодня О<льга> М<ихайловна> открыла мне душу... Она говорила мне, что отец <Христофор Берггольц>, прежде чем жениться, жил с ней, но стыдился ее общества и никуда не ходил с ней, на улице они всегда шли на расстоянии друг от друга. Затем от него была первая девочка, Лиза, она умерла, потом Федя, и когда Федя уже бегал, а она была беременной третьим, он женился»⁴.

Эта история стала словно прологом последующих драм в домашнем кругу Федора Берггольца и истоком мучительного разлада между Ольгиными бабушкой и матерью. Унизительные воспоминания о незаконности своего собственного союза Ольга Михайловна перенесла на отношения сына и его невесты и тем самым отравила начало их семейной жизни.

Выйдя замуж за Христофора Фридриховича, Ольга Михайловна стала единоличной хозяйкой дома. «Была властной, со свойством широко размахнуться – закатить (особенно напоказ – “для гостей”) какой-нибудь необыкновенный праздник, совершенно не умела лгать и притворяться, а была “вся наружу”», – вспоминала Ольга Берггольц. Семья жила в достатке.

Сын Федор, избалованный и веселый мальчик, которому отец и мать ни в чем не отказывали, учился в реальном училище Я. Гуревича и окончил его в 1904 году. Был Федор красив: голубые глаза, русые кудрявые волосы – и ветрен: ухаживал сразу за двумя девушками. Одна – богатая купеческая дочь, жившая по соседству, на которой очень хотела женить его мать, вот только родители девушки не благоволили к легкомысленному юноше. Другая – красивая, тихая Мария Грустилина, чей нрав вполне соответствовал фамилии, кротко ждала, когда Федор сделает, наконец, свой выбор.

Мария Тимофеевна Грустилина родилась в семье рязанского мещанина. Тимофей Львович Грустилин, накопив денег, открыл в Петербурге пивную-портерную от завода «Новая Бавария». Скончался он в 1897 году, оставив жене семерых детей. Мария была старшей. Она хорошо училась, в 1904 году в дополнение к начально-профессиональному образованию окончила курсы кройки и шитья А. Л. Базаровой и была оставлена на курсах преподавательницей.

Жизнь причудливо смешивает краски. Дом на Шлиссельбургском проспекте, в котором проживали Грустилины, куда часто будет бегать и маленькая Ольга, назывался Корниловской (как будто вещий знак Ольгиной судьбы!) рабочей школой. Большое здание из красного кирпича, в котором первые этажи занимали жильцы, на четвертом была вечерняя воскресная школа для рабочих. Здесь в 1891–1896 годах учительница Надежда Крупская направляла своих учеников на революционную дорогу. Каждое воскресенье они шумной толпой подымались по лестнице, проходя мимо квартиры Грустилиных.

Одно время учителем истории в этой школе работал будущий нарком ОГПУ, а тогда начинающий литератор Вацлав Менжинский. В своем романе он описал жизнь Корниловской школы, которая идейно разделила учителей на два лагеря: одни считали, что надо поднимать культуру рабочих, то есть просвещать, а другие – что их необходимо политически обрабатывать. Теперь понятно, какая линия победила. В центре повествования изломанный декадент Василий Демидов, судебный чиновник, и учительница Елена Жданова. Василий эгоистичен и самовлюблен, но все гнилое в нем отступает под влиянием любви к прекрасной учительнице. Это произведение под названием «Роман Демидова» носило явно автобиографический характер и было опубликовано в журнале «Зеленый сборник» в 1905 году. О романе нелестно отозвался в своем книжном обзоре Александр Блок.

Вряд ли Ольга когда-нибудь читала эту книгу, однако то, что в Корниловской школе учился будущий революционер Иван Бабушкин, в свое время узнали все: любимый жите-

⁴ Из семейных архивов семьи Берггольц. Список архивов О. Берггольц, ее близких и друзей приводится в конце текста.

лями заставы общественный сад «Вена» после революции превратился в сад имени Бабушкина.

Спустя годы Ольга Берггольц не раз вспомнит про соседство со знаменитой школой, собирая материалы для романа «Застава». Но сколько она ни спрашивала о начале революционного движения своих теток, дядьев, мать и отца, они ничего рассказать ей не могли – революция их не интересовала. Застава жила своей жизнью.

Дома Грустилиных и Берггольц находились недалеко друг от друга, и семьи были давно знакомы. В 1906 году Мария записала в своем дневнике: «Люблю бывать у Берггольц». Тогда же Федор – втайне от родителей – сделал ей предложение. Через год она вспоминала: «Федя мне сказал: – Люблю тебя, не отдам никому. Заставлю захотеть жить и полюбить ее (жизнь. – *Н. Г.*). И сам буду жить, дело у меня есть – я люблю тебя. – Я смело ему ответила: – Хорошо, верни меня к жизни (хотя в душе не верила, что можно меня заставить полюбить жизнь для себя)».

Мария Тимофеевна была девушкой литературной, идеалы черпала из произведений Пушкина, Тургенева, Толстого. Высшей ценностью полагала смирение, терпение и покорность. Всю жизнь Мария Грустилина описывала свои душевные состояния на дневниковых листках красивым гимназическим почерком, завитками закручивая отдельные буквы. Ее отношение к Федору с самого начала носило надрывный и мелодраматический характер. «Я люблю! Я хочу всего, что он мне обещал, хочу того, на что он меня звал. Все недавнее прошлое и будущее как призрак по-прежнему окружают меня. И мое сердце не замирает сладко, как прежде. А с болью сжимается, стонет и болит, болит невыносимо. Мой милый, мой любимый Федя – радость, жизнь, мечты – всё, всё для меня дорогое, святое – ты, один ты. И потерять тебя для меня смерть. После объяснения он стал совсем другим. И целует, и ласкает, и бывает у меня только потому, чтобы смягчить, что сделал и что еще будет. Нет, не любит он меня. Где мне взять силы все пережить, ведь, может, придется убить себя, т. е. прикончить свое существование. Я, пожалуй, это и сделала бы. Но этим я убью еще дорогое для меня на свете существо – мою мать. Да отчасти и ему отравлю его жизнь... Я хочу быть твоей женой, хотя и не любимой, но твоей, твоей...»

Безоглядную любовь девушки к легкомысленному избраннику Ольга описала в «Заставе», где вывела мать под именем Людмилы Тропининой. «Милочкина преданная любовь трогала его, льстила ему, но ничуть не утоляла <...> чем дольше они жили, тем кротость и преданность Милочки вызывали в Петре приступы тяжелого раздражения, почти отвращения». В скобках, уточняя свой текст, Ольга Берггольц написала: «Фальшь и сладость – вот что раздражало его».

Роман Федора с богатой соседкой ни к чему не привел, купеческая дочь нашла себе более выгодную партию. Отвергнутый молодой человек поехал поступать в Дерптский (теперь Тартуский) университет на медицинский факультет.

Перед самым отъездом Федора в Тарту Мария Грустилина осталась на ночь у Берггольцев. Она спала в комнате Федора. Очевидно, родители догадывались, что отношения молодых людей зашли достаточно далеко, и, когда сын был принят в университет, попытались отослать Марию подальше, предложив ей место бонны в каком-то имении в Виндавской губернии. Но она вынуждена была отказаться, потому что ей, как старшей, надо было помогать матери.

На какое-то время Федор исчезает из жизни Марии Грустилиной, но два месяца спустя вдруг возникает снова и витиеватыми извинениями пытается загладить вину:

Юрьев-Дерпт. 10 ноября 1908 г.

Здравствуйте много и премногоуважаемая Мария Тимофеевна! Вас, наверное, несколько удивит мое решение написать Вам в данное время, когда, быть может, Вы давно уже вычеркнули меня из списка даже просто

знакомых. Тем не менее я не могу не поблагодарить Вас от чистого сердца за Ваше внимание, которое Вы проявили ко мне, и тем самым напомнить Вам опять о своем существовании. Я, быть может, виноват во многом перед Вами, оправдываться в данное время во всем этом я считаю нецелесообразным, я это откладываю до более удобного случая; на бумаге всего не выскажешь. Но смею Вас уверить, что память о Вас, несмотря на мою неаккуратность в ответах, никогда не покидала меня. Если взор мой за Невской заставой мог отдохнуть и остановиться на ком-либо как на воплощении человека, в лучшем смысле этого слова, то только на Вас, Мария Тимофеевна. Мысль эту я высказывал себе не раз. Все это я пишу к тому, чтоб подчеркнуть наиболее густо то впечатление, которое я вынес от Вас, и чтоб рассеять то состояние, в котором находитесь или же будете поставлены моим письмом. Вот все то, что я могу пока открыть пред Вами. Жму Вашу руку в ожидании более подробного и откровенного суда.

Ваши полностью Ф. Берггольц

Конечно, он был прощен, но натуры своей не изменил.

Чтобы получать от родителей побольше денег на развлечения, Федор прибегал ко всяким хитроумным выдумкам. В просьбах о материальной помощи он использовал три названия города, где учился: Юрьев, Тарту и Дерпт. Раз в два-три месяца он писал, что факультет переезжает из Юрьева, предположим, в Тарту, нужны деньги на переезд и обзаведение новой квартирой и хозяйством. Родители удивлялись странным маневрам учебного заведения, но деньги посылали, а через два-три месяца факультет оказывался в Дерпте – и история повторялась снова.

Федор любил напевать под гитару песню про «кудри золотые» – популярный городской романс начала века. В незамысловатом сюжете словно преломилась судьба его невесты Маруси Грустилиной и Федора-Алеши.

А носил Алеша кудри золотые,
Знал великолепно песни городские,
Как Марусе бедной было не влюбиться,
Как же при измене ей не отравиться?

Марусю Грустилину провидение спасло от трагической судьбы героини романса, даже несмотря на то, что, будучи невенчанной, она оказалась беременной. Случилось это так.

Лето 1909 года Федор проводил в Санкт-Петербургском холерном отряде, а Мария была рядом – в имении Поленова. После долгожданной встречи она забеременела. Федору ничего не оставалось делать, как в кратчайшие сроки перевестись из Юрьевского университета в Военно-медицинскую академию Петербурга и жениться на девушке. Свадьба прошла 12 ноября 1909 года, когда беременности шел четвертый месяц. Чтобы ничего не было заметно, невесту затянули в корсет. В ресторане, где отмечали свадьбу, Марии Тимофеевне стало плохо. Федор отвез жену домой, оставив гостей пировать дальше. Когда ей расшнуровали тугой корсет, от резкой боли она потеряла сознание.

Ольга Берггольц родилась 18 мая 1910 года. Ребенок, «зачатый в грехе», как считала Ольга Михайловна, мать Федора, родился менее чем через шесть месяцев после свадьбы. После родов и нервного потрясения Мария Тимофеевна тяжело заболела, и ребенка от больной матери отдали в воспитательный дом: Ольга Михайловна не желала принять в дом невестку с ребенком. Тогда Федор разыграл сердечный приступ. Мать испугалась за жизнь единственного сына, и за младенцем была послана коляска. Ольгу забрал из приюта дедушка

Христофор Берггольц, который стал ее крестным отцом. Вот такие страсти разыгрывались над ее колыбелью.

Спустя годы в письме от 21 августа 1949 года Мария Тимофеевна, уговаривая младшую дочь не отказываться от нежелательной беременности, расскажет о том, как некстати тогда казалось рождение Ольги: «Вспоминаю, в каких условиях я родила Лялю. Авдотья и свекровь травили и оскорбляли меня. А я была полна своей внутренней жизнью. Любовью, таинством рождения. Роды чуть не стоили мне жизни, когда во время операции под наркозом извлекали Лялю, у меня выпал пульс, врачи испугались. Но я родила, а через шесть недель тяжело заболела, и Ляля попала в воспитательный дом незаконнорожденных и чуть не погибла».

Несмотря на благоприятный исход истории для девочки, матери ее в доме мужа с первых дней было очень несладко. Марии Тимофеевне старалась помогать мать – Мария Ивановна Грустилина, которая стала крестной матерью Ольги, но у Берггольцев ее не особенно жаловали и редко пускали на порог.

Итак, маленькая Ольга стала жить в двухэтажном деревянном доме на Палевском проспекте. Ее отец перевелся обратно в Тартуский университет, а Мария Тимофеевна, оставив дочь на попечение бабушки и дедушки, уехала работать в город Боровичи Новгородской губернии преподавательницей кройки и шитья. Время от времени она ездила к мужу в Тарту. А Ольга неожиданно стала самой любимой бабушкиной и дедушкиной внучкой.

Мария Тимофеевна была вынуждена вернуться под крышу дома Берггольцев, когда вновь забеременела. В конце августа 1912 года она родила вторую дочь – Марию. В том же письме, которое цитировалось ранее, она вспоминала и ее появление на свет: «А твои роды вел профессор, Муся, знаменитый. Сказал, что у меня внематочная беременность и киста. Сам хотел меня оперировать. Положил в свою больницу. А я молила Бога сохранить мне ребенка. А за себя как-то страха не было, а я ведь знала, чем угрожает внематочная беременность. И профессор не успел порезать нас, умер, и оказалось, что у меня нормально. Затем следил за мной профессор Садовский, сам хотел принимать роды. Устроил меня в больницу к профессору Скробанскому. Папа поехал оформлять, чтобы положить меня туда раньше родов. Возвращается домой, чтобы меня туда везти, а меня сажают на извозчика везти в больницу – начались роды. Родила я тебя очень легко...»

Несмотря на малый возраст – ей было около двух лет, – Ольга помнила это событие. Она видела себя среди горячо любимых людей: дородная бабка Ольга Михайловна, дед Христофор, красивые папа и мама, няня Авдотья. Все они собрались возле загадочно возникшей сестры. Это почти рождественская картина дополняется образом люльки-кораблика. «Конечно, это большой кораблик. Сухонькая, вся в темном, бабка Мария Ивановна покачивает его... Бабка Ольга в огненном капоте, скрестив огромные руки на огромной груди, стоит по другую сторону кораблика...» А за пологом, как за сценическим занавесом, невидимая Ольге, лежит мать...

Это первый снимок ее памяти. В повести «Дневные звёзды» она будет складывать картины из отпечатков детских впечатлений: Невская застава, Углич, опять Петроград – и соединять их с блокадным смертным Ленинградом. Разрыв между рождением-смертью – страстью-страданием навсегда станет темой ее стихов и прозы, откуда дуло сквозняком вечности, из которого шло лучшее в ее творчестве.

...К весне 1914 года Федор Христофорович Берггольц, окончив медицинский факультет Тартуского университета, наконец стал жить дома, но уже в сентябре был призван в армию.

Сын уходил на фронт, а мать лежала в параличе и не могла вымолвить ни слова на прощание. «Христофор Фридрихович стоял у окна, тяжело опершись поднятыми расставленными руками в углы рамы закрытого окна. Подъехала коляска, к ней подошли Федор

Христофорович в военной форме и с саблей и Мария Тимофеевна с пылающими щеками, в длинном черном пальто и высокой шляпе. Сели в нее, и коляска уехала, скрывшись за тополями у дома направо от них (в направлении Шлиссельбургского проспекта)». Такая картина осталась в памяти маленькой Муси Берггольц.

В один из приездов с фронта Федор Христофорович с друзьями привезли тяжелый черный ящик «электрической машины» и электрическими разрядами пытались вылечить Ольгу Михайловну от паралича. Кое-что удалось сделать. После этого она стала ходить, но до самой смерти волочила правую ногу и плохо владела правой рукой.

В октябре 1915 года отец побывал дома. Привез дочерям в подарок немецкую каску, всей семьей сходили в зоопарк и снялись в фотоателье: Христофор Фридрихович, Ольга Михайловна, Федор Христофорович, Мария Тимофеевна, Ольга и Муся.

На фронте отец встретил княжну Варвару Николаевну Бартеневу, работавшую сестрой милосердия. «Княжна Варвара все время работала вместе с отцом на фронтах империалистической, а после Октябрьского переворота, когда отец тотчас же подался в Красную армию, княжна Варвара прошла вместе с ним и всю Гражданскую войну, работала старшей хирургической сестрой в санитарном поезде “Красные орлы”, начальником которого был мой отец. Санпоезд “Красные орлы” воевал на юге против Врангеля, Каледина и других беляков, дважды поезд чудом вырывался из белогвардейского окружения, многократно был под огнем, принимал короткие, но ожесточенные бои и перестрелки, – княжна Варвара ни на минуту не отходила от отца, ни разу ничего не испугалась, ни разу не воспользовалась отпуском. Четырежды смертной хваткой хватал нашего папу тиф – сыпной, брюшной, возвратный, паратиф, – четыре раза княжна вытаскивала его из смерти...» – писала Ольга в «Дневных звёздах».

В своих дневниках Мария Тимофеевна вспоминала, как приехала в 1917 году в Москву встретиться с мужем в санитарном поезде: «...помню однажды, разговаривая со мной и Федей В. Н. (Бартенева. – Н. Г.) сказала, вы не ревнуйте ко мне докторёныша – я не перешагну через разбитую жизнь. Со мной был такой случай. Я любила женатого, и он предлагал мне оставить семью – я не согласилась, заставила его вернуться в семью, и мы разошлись, а мне было тяжело, это буквально ее слова, и говорила она это задолго до любви с Федей. С первого знакомства она мне казалась по натуре человеком благородным. Такое же мнение о ней и теперь».

Княжна не изменила своему слову и не разбила семью. Но особые отношения с доктором Берггольцем длились у них всю жизнь. Уже совсем старой она пришла к нему в больницу в 1948 году попрощаться навсегда. Свою семейную жизнь он разбил сам. Но чуть позже.

Во время Октябрьского переворота Мария Тимофеевна оставалась с маленькими дочерьми в доме свекрови и свекра. В тот день по соседству загорелся полицейский участок: «Участок на углу Палевского и Шлиссельбургского проспекта сожгли почему-то не в феврале, а в октябре семнадцатого года, – вспоминала Ольга. – Утром мы ходили с мамой на проспект и видели, как еще дымились развалины участка, а по Шлиссельбургскому мчались грузовики, в кузове которых, опираясь на ружья, стояли рабочие в кожанках и матросы, крест-накрест опоясанные пулеметными лентами, и ветер раздувал у них на груди огромные красные банты».

После революции, когда жизнь в доме на Палевском стала совсем тяжелой, свекровь прямо сказала невестке, что та должна искать пропитание себе и дочерям. Тогда Мария Тимофеевна взяла детей и в начале июня 1918 года уехала с ними в Углич, где жили родственники.

В судьбе Ольги Берггольц Углич стал таким же важным городом, как и родной Петроград. Потом она признавалась: «Эта келья, этот угол монастырского двора с могучими

липами и, главное, высокий, белый пятиглавый собор напротив школы – все это стало мне почему-то сниться как место чистейшего, торжествующего, окончательного счастья».

А вокруг все было очень мрачно. По ордеру горкоммуны их поселили в келье старинного Богоявленского монастыря. Мать приходила с работы поздно: она преподавала рукоделие в той же школе, где учились девочки. Лицо отца они почти забыли – так давно он ушел на одну войну, а теперь воевал на другой. По вечерам в холодной келье в тусклом свете коптилки голодные дети жались друг к другу, вспоминая сытую петербургскую жизнь. К их неуютному жилью прибилась такой же голодный рыжий Тузик, который всегда кидался на их защиту.

Ольгина детская вера в Бога, воспитанная экзальтированной матерью, усилилась после переезда в Углич – настоящий старинный русский город с сотней церковей и колоколен на берегу Волги, город-сказка, в котором все было похоже на иллюстрации из детских книжек. Церковь Рождества Иоанна Предтечи, Успенская церковь Алексеевского монастыря, прозванная за красоту в народе Дивной, церковь царевича Дмитрия на крови... Убиенный царевич в саду не раз являлся маленьким девочкам, ведь он был почти такого же возраста, как они. Они даже знали куст, из-за которого высочил душегубец и перерезал несчастному отроку горло. Погибший мальчик и его убийца входили в сознание девочек то шорохом листвы, то случайной тенью на дорожке, то чудившимся топотом детских ног...

Десятилетиями томила Ольгу тоска по «тому» Угличу – с соборами и церквями, с колоколом, которому вырвали язык и сослали в Тобольск. Углич был живой историей России. Он был той памятью, к которой она будет припадать, как к колодцу. Но когда спустя тридцать с лишним лет, летом 1953 года, Ольга приедет в город детства и вместо «своего собора», своей Дивной церкви, найдет лишь страшный двор, полуразрушенный храм с выцветшими звездами и кривой вывеской «Заготзерно», она так и застынет на скамейке под этой надписью. А вернувшись в Ленинград, напишет Ворошилову резкое письмо о состоянии угличских храмов. В ее Дивной, которую так любила в детстве, «находится общественное отхожее место, свинарник, крольчатник, какие-то склады, кровля протекает...»

Не сдерживая возмущения, она писала в Москву, видимо, плохо представляя, кому еще можно адресовать упреки в уничтожении старинного города. Она кляла городские власти в равнодушии к красоте угличских храмов, но в глубине души понимала, что и сама причастна к тому, что к ее церкви с синими звездами прибили табличку «Заготзерно». Ведь это она написала в тридцатые годы повесть «Углич» про маленькую девочку Лелю. Про то, как в годы Гражданской войны та живет и учится в трудовой школе, размещенной в стенах женской обители. Как все дальше уходит от церкви, монашек, как все ближе становятся ей победители-большевики, наводящие в городе свои порядки и изгоняющие из монастыря его насельниц.

...Окончание Гражданской войны дало возможность семье вернуться на Невскую заставу. В конце апреля 1921 года в Углич приехал Федор Христофорович и увез жену с детьми в Петроград.

Чтобы не попасть под уплотнение, Берггольцы подселили в свой двухэтажный дом родственную семью Грустилиных. Там же стали жить семьи Балдиных и Лапшиных. Валя Балдина будет Ольгиной близкой подругой почти всю жизнь. Ее любовь и разлука с арестованным писателем Николаем Баршевым – один из трагических сюжетов второй части «Дневных звёзд».

Отношения «хозяев» и жильцов были настолько теплыми, что жильцы после революции единодушно выбрали Христофора Берггольца домоуправом. По свойственной ему хозяйственности и аккуратности он по мере сил обихаживал и ремонтировал весь дом, следил за ним вплоть до своей смерти.

Сестры Берггольц стали учиться в 117-й школе на Шлиссельбургском проспекте. Ольга училась хорошо. Но семейная жизнь родителей так и не наладилась. В дневниковой тетради 8 сентября 1921 года Мария Тимофеевна Берггольц пишет о своей боли: «Дети мои, девочки Ляля и Муся, спасите меня. Нет предела моим страданиям. Как замороженная живу я чувством к Вашему отцу и не могу его победить, не могу справиться с собой. Ведь он меня уже давно не любит, даже больше, он тяготится мной. Он бросает это мне в лицо. Очевидно, он сам старается убить во мне мое чувство, которое так же тяготит его. Теперь он даже рассказывает, как он покупал за 500 р. женщину, но отказался, потому что она приняла деньги. Это он мне рассказывает. Что же он обо мне думает?..» И еще. «28.02.1922. Сегодня за чайным столом Федя высказался, что все и вся ему надоело, опротивело, и даже иной раз не пошел бы домой...»

От перенесенных горестей Мария Тимофеевна заболела туберкулезом.

«Мамочка моя! Счастье, жизнь, свет души моей, мать моя! Нет, нет, ты будешь жить!.. – писала Ольга в детском дневнике в апреле 1923 года. – Но как ты исхудала! Как впали твои ласковые глазки, как обострилось твое дорогое личико, какая ты стала жалкая, тщедушная, слабенькая!» Чтобы вымолить для матери спасение, девочка идет в часовню Скорбящей Божьей Матери, что неподалеку от дома: «Я горячо, нет, страстно, молилась, – записывает после она. – Я трепетала, когда, стоя на коленях перед Небесной Владычицей, я молила ее о здоровье дорогой моей матери».

Не чувствовала ли грядущие несчастья матери двенадцатилетняя Ольга, когда за год до этого выводила в школьной тетради красивым детским почерком:

Почему ты одна, почему ты грустна
И несчастна среди шумных друзей?
Потому что твоя возвышенной душа,
И стремленья верней и честней.

Мария Тимофеевна будет беречь каждый листок со стихами, написанными рукой ее Ляли. Спустя годы Ольга скажет: «...мать восторженно поддерживала во мне желание быть поэтессой. Она сама имела ниже чем среднее образование, но много читала, ее идеалом были “тургеневские” девушки, она мечтала вращаться среди артистов и писателей. Каждый мой стишок она ужасно расхваливала». Но экзальтированная детская любовь к матери у Ольги с возрастом охладает. Главное место в сердце займет отец – жизнелюбивый и грешный, с чувством юмора, вспыльчивый, ревнивый, обожающий женщин, вино, искусство. И при этом абсолютно честный врач, который мог в любое время дня и ночи бежать спасать своих пациентов.

20 декабря 1924 года умерла Ольга Михайловна. Мария Тимофеевна записала: «... умерла мать Федина. Смерть ее была для нас неожиданна. Смерть ее всколыхнула мою душу и подняла волну укора совести, и до сих пор переливается эта волна в душе моей. С ее смертью неизбежная перемена в нашей семье...»

Девочка впервые столкнулась со смертью: «20 декабря, 1924 г. 6 ч. 1/2. Да, умерла и не проснется никогда. Никогда. Ни-ког-да... Страшно. Холодно. Милая, родная, далекая, прости меня... За все прегрешения вольные и невольные... не могу... Ох, не верится. Дико... Сейчас там читает монашка гнетно... Папа пришел сейчас... Потрясен. Ведь за пять минут до смерти говорила».

Вслед за бабушкой ушел дед, окончательно подводя черту под прошлым, под детством, – Ольга это понимает:

«23 сентября 1925. ...Я плачу, но редко и скупно. Ах, я хотела б плакать до обморока. Ушло мое детство. Он меня очень любил, дедушка-то... Нет, зачем я так пишу. Так пишу, как

сочиняю... Какая я гнусная. Дедушка, дедушка... Теперь всё, всё должно пойти по-новому. И я, я буду мертва?! Нет!..

Сегодня год бабушке... Была в церкви. Чем-то затхлым, далеким и тяжелым пахнуло на меня. А на кладбище снег девственно-бел и весь искрился под радостными, ярко-желтыми лучами солнца. Такой белый снег, и такие милые, робкие желтые лучи!.. Было тяжело, когда над могилой гундосил поп, – “для чего?”, думалось... Вспоминается, как год тому назад было больно и страшно. А теперь... нет!.. Было тяжело именно оттого, что не нужно все это: служба, крест, слезы...»

«Милый Ленин...»

«Не нужно всё это: служба, крест, слезы...»

А что нужно? Что приходит на смену?

Ольгу, как и все ее поколение, родившееся в начале двадцатого века, захлестнул общий поток истории. Она все больше и больше проникалась духом перемен.

7 ноября 1923 года вместе с одноклассниками она идет на демонстрацию. От школы, украшенной флагами, мимо фабрик и заводов, расцвеченных кумачом, – у каждого на груди красный бант, – с пением «Интернационала» колоннами двинулись «в город». К ним присоединяются новые и новые потоки демонстрантов. С Невской заставы шествие доходит до Аничкова моста. «Пришли на площадь Урицкого, бывшую Дворцовую, и тут-то и начался самый интересный момент нашей демонстрации, – пишет Ольга. – Мимо проезжали автомобили – грузовики, с установленными на них колоссальными игрушками. Была, например, такая игрушка: был сделан громадный рабочий, который молотом бил по осиновому колу, вбитому в гроб. Проходили мимо карикатурно-смешные Юденич, Колчак и другие вожди белых, с которыми воевала Советская Республика; в автомобиле разные петрушки, клоуны, одетые в буржуев; были устроены коммунисты, грозившие кулаками буржуйам. Вообще, это времяпровождение на площади Урицкого имело больше успеха, чем в “Вене”. До этой демонстрации говорили, что будет показан радио-монограф, который слышно на 15 верст кругом, но его не показывали. Через некоторое время, под звуки опять того же “Интернационала”, школьники двинулись обратно, переговариваясь между собой о виденных новинках. Многие были довольны, но некоторые жалели испорченных сапог, и все хотели есть...

Где-то вдалеке грохотали пушки, приветствуя шестую годовщину Революции».

Старшие в ее семье относились к новой власти презрительно-брезгливо. Ольга не находила сочувствия своим устремлениям ни у отца, занятого работой и любовными похождениями, ни у страдающей от одиночества матери, ни у совсем еще маленькой Муси.

...В начале 1924 года умер Ленин.

В школе, где училась Ольга, смерть Ленина была воспринята совсем не так, как об этом писали потом в воспоминаниях: «22 Января. Вторник. Сейчас пришла Ел. Павл. и объявила: “Тов. Ленин приказал долго жить”, и все обрадовались, – с горечью констатирует Ольга. – Но я не обрадовалась: мне жаль Ленина. Почему? Не знаю. Но, мне страшно признаться, мне казалось, что я схожусь с ним во взглядах. Ой! Спи с миром, Вл. Ильич! Ты умер на своем посту».

Реакция в семье такая же, как и в школе: «Как захохочут папа и мама, когда узнают или прочтут это. Ну, пусть. Назовут “комсомолкой”. Ха-ха-ха!»

Советская власть еще не располагала теми возможностями, которые появятся у нее позже. Еще не было в каждой школе пионерских и комсомольских ячеек – сюда только время от времени приходили члены райкома. Еще не вбивалась населению по радио единственно правильная партийная точка зрения. Был нэп. Многим казалось, что 1917 год с Лениным и революцией, с демонстрациями и красными знаменами на улицах уйдет сам собой, вправится, как вывих истории, и все будет пусть по-другому, но по сути – как прежде. Ведь одна за другой открывались лавочки, ходили по улицам зеленщики и молочницы, ездили все так же извозчики, издавались в крохотных издательствах книги. Ленин в глазах обывателя был уже пережитком жестокой эпохи, что ушла вместе с революцией и Гражданской войной. Да и жалели о нем в основном рабочие, как писали в отчетах ОГПУ.

А Ольга – натура романтическая – пишет стихотворение на смерть Ленина. Убежала на кухню и на одном дыхании написала горячие строки. На другой день она уже читала их в школе, на траурном утреннике.

Как у нас гудки сегодня пели!
Точно все заводы встали на колени.
Ведь они теперь осиротели.
Умер Ленин...
Милый Ленин...

Все девочки плакали, не без гордости замечает она, плакали именно от чтения ее стихов. А какой-то человек из райкома партии сказал ей, что такие стихи мог написать только настоящий комсомолец.

Ольга показала стихотворение отцу, и тот отнес его в стенгазету фабрики «Красный ткач» (бывшая фабрика Торнтон), где работал врачом в амбулатории. В день, когда стихи опубликовали, Ольга бежала на фабрику с бьющимся сердцем. Это была ее первая публикация!

На стене фабкома висела стенная газета с ее стихотворением. Оно было напечатано в самом центре, над ним – склоненные траурные знамена и подпись: «Ольга Берггольц». Рядом опубликованы воспоминания людей, которые лично знали Ленина, когда он молодым пропагандистом вел занятия в рабочих кружках. И Федор Христофорович, хотя и не симпатизировал идеям Ленина, гордился, что дочь пишет стихи, которые всем нравятся, а уж на какую тему, это ему было не так важно. Человек он был легкий и к жизни относился просто.

Однако для четырнадцатилетней Ольги Берггольц смерть Ленина стала началом новой веры, теперь уже коммунистической. Отныне Ленин полностью вытеснил из сознания девушки прежнюю христианскую веру. Революция превратится для нее в мечту и страсть. Она то видит себя на баррикадах Великой французской революции, то тоскует, что не попала на Гражданскую войну, то представляет себя рядом с настоящими героями.

В день Парижской коммуны Ольга записала в дневнике: «Так и хочется на баррикады! Хочется алых знамен, грохота пушек, криков победы – *“vive la commune”*. И обидно, горько – обидно, что не была, не помню, что была на баррикадах. А может быть, и была. Да, была, была! Я верю в переселение душ, – т. е. верю и не верю. Но из-за этого – гнуснейшее настроение».

Чувство, что героические времена прошли мимо, не покидало ее. Но и новый мир обещал грандиозное будущее. Новая эстетика ложилась на экзальтированное, с элементами жертвенности юное сознание. Каждый митинг заканчивался пением «Интернационала», «Вы жертвою пали...» или забытого ныне, но тогда очень популярного «Реквиема» Л. Пальмина.

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слёз мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

Тема героической гибели во имя народа и страны скоро станет одной из ведущих в советской пропаганде – и в школах, и на радио, и в газетах. Власть воздействовала не на

разум – на чувства народа, на коллективное сознание. Чистая поэтическая натура Ольги с восторгом отзывалась на высокие слова и патетику строителей нового мира.

Конец детства. «Смена»

*...Девочка за Невскою заставой,
та, что пела, счастья ждала...*

Ольга Берггольц

Прежний дом постепенно рассыпался. Со смертью бабушки и дедушки зашаталась устои берггольцевской семьи. Ольге хотелось бежать из домашней рутины в жизнь, наполненную высоким смыслом.

Ее стихи и очерки стали появляться в газете Ленинградского губкома РКСМ, которая выпускалась для детей и подростков. Когда в 1926 году на Невской заставе началась перестройка Палевского проспекта, юнкор Ольга Берггольц опубликовала в газете «Ленинские искры» радостный очерк о строительстве новых домов для рабочих возле ее родного дома: «Палевский проспект. Маленькие такие домишечки, деревянные, почти у каждого дома – садик как в деревне. И рядом с ними новые дома – солидные, каменные. А ведь было время, когда Палевского проспекта совсем не было: было большое болото, поперек проходил железнодорожный вал. Это было лет тридцать тому назад. Теперешние отцы семейств на месте теперешних жилищ ловили карасей... По праздникам в этих местах происходили кулачные бои. Население было некультурное; не было ни клубов, ни домпросветов, ничего того, что теперь имеет Невская застава. И вот единственным развлечением темных рабочих и обывателей Невской заставы были жестокие кулачные бои, во время которых было немало жертв. Выходила “Смолянка” на “Александровцев”... Дрались долго и жестоко. Пока одна сторона не побеждала другую...

Но вот владелец фабрики К. Я. Паль решил эксплуатировать это место, он купил эту землю и участки, продавал более состоятельным рабочим и мастерам, которые и выстраивали на этих землях одно- или двухэтажные домики и потом всю жизнь выплачивали деньги Палю».

Любимый Ольгин дедушка Христофор Берггольц – бывший управляющий фабрики Палья. Родительский дом стоит на землях эксплуататора. Отдает ли девочка, пишущая бодрый очерк о новом быте, себе в этом отчет? Конечно. Но для того, чтобы шагнуть в новое время, ей надо отречься от собственного прошлого. Домики, скверики, палисадники, беседки Невской заставы кажутся теперь Ольге старообразными и уродливыми.

Палевский жилмассив (построенный в 1925–1926 годы) был одним из первых опытов советского градостроительства. Но трехэтажные аккуратные домики с отдельными входами в квартиры совсем не походили на будущие дома-коммуны с обобществленным бытом, которые будут построены несколько лет спустя. Может быть, сказывалось, что строительство шло в эпоху нэпа. Тогда же был выстроен Дом культуры имени Крупской, получивший в народе название «Крупа», – один из лучших образцов ленинградского конструктивизма.

В это же время шестнадцатилетняя Ольга узнает, что в центре Ленинграда действует литобъединение для рабочей молодежи «Смена», где собираются молодые поэты и писатели. Она пришла туда «с безумной робостью» в самом начале 1925 года. Пришла втайне от родителей. Занятия проходили не реже двух-трех раз в неделю. Литобъединение располагалось под самой крышей дома – первого по Невскому проспекту, прямо напротив Адмиралтейства; до революции в этом здании была гостиница «Лондон». Потом занятия стали проходить в Домпросвете на Мойке, в знаменитом Юсуповском дворце. Совсем недавно здесь в одной из

комнат был убит Григорий Распутин. Прошло каких-то десять лет, но для молодых людей, живущих в новом мире, это была вечность. Их новый мир только начинался.

С Невской заставы в центр надо было ехать на двух трамваях, набитых под завязку. Все знакомые улицы и площади теперь назывались по-новому. Невский проспект стал проспектом 25 октября, сад перед Адмиралтейством – садом Трудящихся.

Сменовцам было по шестнадцать – восемнадцать лет. Сюда приходили Борис Корнилов, Александр Решетов, Александр Прокофьев, Геннадий Гор. Руководили ими поэты, которые были чуть старше их самих: Илья Садофьев, Виссарион Саянов, а потом Валерий Друзин.

Старшие поэты были членами ЛАПП (Ленинградской ассоциации пролетарских писателей). Стихи Виссариона Саянова, где было много блатной лексики, называли тогда молодыми и бодрыми; известность ему принес сборник «Фартовые года». Об этой книге Николай Асеев писал: «Она трогает и задевает искренней задорностью тона, верой в правильность собственного пути и близостью этого пути к шумному шарканью комсомольских подошв по весенним улицам».

Молодые ленинградские поэты еще не боялись признаваться в любви к поэтам предшествующего поколения. Саянов считал Гумилева, расстрелянного большевиками в 1921 году, своим учителем. Запретную книгу с подписью Николая Гумилева всю жизнь хранил еще один его ученик – Николай Тихонов. В это время он часто выступает перед юными поэтами-сменовцами, его поэтические баллады пользуются огромной популярностью. Ольга относилась к Тихонову в двадцатые – начале тридцатых годов с огромным уважением.

«Среди ленинградских поэтов, членов ЛАППа, уже тогда выделялся Александр Прокофьев, – писал Геннадий Гор. – Я впервые увидел его на собрании группы “Смена”, куда он пришел читать стихи... Прокофьев брал свои слова не из книг и газет, а прямо из живой, говорящей стихии, из уст народа. Он видел мир глазами деревенского парня, прошедшего через революцию и гражданскую войну, и писал обо всем, что пережил и знал, с огромной лирической силой. Его лирика поражала емкостью, самобытностью и резко отличалась от художественной лирики поэтов, перепевавших либо Гумилева, либо Блока»⁵. В 1919 году он бежал от белых, вступил в Красную армию, с 1922 по 1930 год работал в ЧК и ОГПУ. От себя добавим, что спустя годы он возглавит Ленинградский Союз писателей и превратится в классического советского чиновника. Но ранние его стихи были еще приподнято-романтичны, что покоряло читателей. Так, стихотворение 1929 года «Товарищ», положенное на музыку Олегом Ивановым в 1970 году, стало популярно у последующего поколения молодежи.

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,
Мы хлеба горбушку – и ту пополам!
Коль ветер лавиной и песня лавиной, —
Тебе половина и мне половина!

Ольгу в «Смене» заметили и запомнили: «Семнадцатилетняя поэтесса Ольга Берггольц с необыкновенно нежным цветом лица и двумя золотистыми косами», – вспоминал Леонид Рахманов⁶.

Самой же Ольге очень нравился юный поэт Геннадий Гор, поклонник обзериутов, начитанный, умный и интересный собеседник. «Вид немного шпанский, ну да ничего, – хорошенький», – записала она в дневнике от 20 февраля 1926 года.

⁵ Гор Г. Замедление времени. URL: http://lib.misto.kiev.ua/RUFANT/GOR_G/zamedvr.txt.

⁶ Рахманов Л. Из воспоминаний. Геннадий Гор. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/gor_3.htm.

В те же дни она впервые услышала стихи Бориса Корнилова. Читал он с нижегородским оканьем, ходил в пальто нараспашку и в кепке, сдвинутой на затылок.

Дни-мальчишки, вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова, —
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

Стихи Ольге понравились, но к самому Корнилову она осталась безразлична. У нее разворачивался полудетский роман с Геннадием Гором: «...а когда стояли над Невой и “ждали трамвая”, пропуская один за другим, он целовал меня все горячее и горячее, обняв крепко-крепко... Он как-то радостно и нежно хымкал, говорил нежно, взяв мою руку в свою...»

«Замедление времени» — так назовет спустя годы свои воспоминания о литобъединении и его участниках Геннадий Гор. Он был менее всего похож на своих товарищей из «Смены»: самозабвенно увлекался Павлом Филоновым, часто навещал его в мастерской, восхищался стихами Константина Вагинова и прозой Леонида Добычина. «И Добычин, и Вагинов жили и писали на периферии эпохи, слишком сложные и камерные, чтобы воодушевлять студентов и молодых рабочих. Они были писатели для писателей»⁷, — признавался он в своих воспоминаниях.

«...Комсомолец Гор, в юнгштурмовке, с кожаной портупеей и пышными тогда еще волосами. Его слушали всегда с интересом, чувствуя, что это не просто красноречивый, но и чем-то особенный, одаренный юноша, и не ошиблись...»⁸ — таким запомнил его Леонид Рахманов.

В тридцатые годы Гор напишет роман «Корова», в котором тема коллективизации будет решена в сюрреалистическом ключе. От нападок и обвинений в формализме его спасет Горький. Когда же в 1936 году начнутся гонения на так называемых формалистов и его имя зазвучит в газетах, Гор испугается уже не на шутку — однако успеет «эмигрировать» в жанр советской фантастики. Но во время блокады он пишет глубоко потаенные стихи о ленинградском голоде, стихи, которые будет прятать до конца своих дней. Их опубликуют только после его смерти, уже в наше время.

Геннадий Гор боялся всю жизнь. Не случайно Андрей Битов, встречавшийся с Гором в семидесятые годы, назвал свои воспоминания о нем «Перепуганный талант». «Только никому не говорите, — шептал он в дверях, вытирая платком лысину... — вот моя первая книжка. Это опаснейший формализм. Это единственный экземпляр»⁹.

Судьбы поэтов «Смены» складывались по-разному. Одни уходили в детскую литературу, другие в перевод. Саянов, Прокофьев и Тихонов превратились в литературных начальников. Однажды Шкловский, по воспоминаниям Каверина, в конце тридцатых годов слушая на собрании выступление Николая Тихонова, саркастически заметил: «Жить он будет, а петь — никогда!»¹⁰ Судьба же лучшего из них, поэта Бориса Корнилова, завершилась в 1938 году: он был расстрелян.

А Ольга Берггольц по сути еще в 1926 году предсказала свою поэтическую судьбу. Однажды на вечере Союза поэтов, который вел Корней Иванович Чуковский, она попросила у него разрешения прочесть свое стихотворение «Каменная дудка». Чуковский согласился.

⁷ Гор Г. Замедление времени.

⁸ Рахманов Л. Из воспоминаний. Геннадий Гор.

⁹ Битов А. Перепуганный талант, или Сказание о победе формы над содержанием. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/10/bitov.htm>.

¹⁰ Каверин В. Эпilog. М., 1989. С. 241.

Я каменная утка,
я каменная дудка,
я песни простые пою.
Ко рту прислони,
тихонько дыхни —
и песню услышишь мою.
Лежала я у речки
простою землею,
бродили по мне журавли,
а люди с лопатой
приехали за мною,
в телегах меня увезли.
Мяли меня, мяли
руками и ногами,
сделали птицу из меня.
Поставили в печку,
в самое пламя,
горела я там три дня.
Стала я тонкой,
стала я звонкой,
точно огонь, я красна.
Я каменная утка,
я каменная дудка,
пою потому, что весна.

«Чуковский очень обрадовался, — вспоминала Берггольц. — Он обнял меня за плечи и сказал: — Ну, какая хорошая девочка! Какие ты стишки хорошие прочитала! — А потом повернулся ко всем и проговорил: — Товарищи, это будет со временем настоящий поэт».

Изначально природе ее творчества было свойственно немного наивное, но счастливое принятие жизни и нового мира. Совсем скоро «как весну» она будет петь про стройки коммунизма, заводы, каналы, колхозы, дороги, Днепрогэс.

Но однажды из каменной дудки зазвучит совсем иной голос...

РАППЫ и ЛАППЫ

Группа «Смена» вместе с объединениями «Резец», «Стройка», «Красная звезда» и другими входила в Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей (ЛАПП). Быть членом официальной организации означало иметь возможность профессионально заниматься литературой. Но вольные собрания молодых поэтов и писателей все чаще оказываются под подозрением, их членов порой арестовывают. Даже сменовцы кажутся старшим товарищам из ЛАПП слишком свободными и независимыми. Поэтам «Смены» говорят, что их группа «перерождается», сверх меры увлекается акмеизмом, а посему нуждается в оздоровлении.

Проработкой поэтической молодежи занималась всесильная в двадцатые годы организация – Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Она могла сделать жизнь любого писателя или поэта невыносимой – о некоторых так и говорили: «инвалид литературной проработки». Одним из рапповских руководителей был Леопольд Авербах, который сыграет роковую роль в жизни Ольги.

Но «управление» литературой началось еще до РАПП, в 1921 году, тогда надзор за ней осуществлял всемогущий Лев Троцкий. «Нам необходимо обратить больше внимания на вопросы литературной критики и поэзии, – писал он, – не только в смысле цензурном, но и в смысле издательском. Нужно выпускать в большем количестве и скорее те художественные произведения, которые проникнуты нашим духом»¹¹.

Определение «нашего духа» и разделило литературное начальство. С первых дней своего существования РАПП претендовала на ведущую роль в руководстве советской литературой – и с каждым днем действовала всё более воинственно. Всех писателей, не входящих в ассоциацию, она делила либо на врагов, либо союзников. Подспудной же целью РАПП, как и МАПП (Московской организации), была борьба с линией Троцкого в литературе, в частности, с журналом «Красная новь», возглавляемым старым большевиком Александром Воронским. Воронский делал ставку на «попутчиков», то есть на известных литераторов, творчество которых укладывалось в русло прежних народнических ценностей. Это была своего рода калька партийной борьбы, перенесенная на литературную почву.

Московская организация пролетарских писателей, ставшая в 1928 году секцией РАПП, придерживалась наиболее радикальных классовых позиций в литературе. Журнал «На посту», который она издавала, занимал непримиримую позицию не только к «Красной нови» и Воронскому, но и к «Серапионовым братьям», которые были для нее символом всего мелкобуржуазного. И хотя стояние «На посту» продолжалось сравнительно недолго – в 1925 году журнал был распущен, – его эстафету принял журнал «На литературном посту», который издавался реорганизованной РАПП. В ее правление вошли Юрий Либединский, Леопольд Авербах, Алексей Селивановский, Александр Зонин.

«Новой» РАПП было жизненно необходимо выдвинуть из своей среды талантливых литераторов. И вот уже Либединский, написавший повесть «Неделя», признается выдающимся пролетарским писателем, а вслед за ним и Фурманов с «Чапаевым», и Фадеев с «Разгромом».

В конце 1928 года Либединский откомандировывается в Ленинград, чтобы контролировать местную писательскую организацию и провести пролетарскую чистку. Обычно эта процедура начиналась с изложения перед коллективом своей биографии. Затем надо было отвечать на вопросы, которые могли быть из любой области – политической или личной.

¹¹ Письмо Л. Д. Троцкого о положении на книжном рынке художественной литературы. 25 июня 1922 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19220625troc.html.

Ольга Берггольц, которая проходила чистку вместе со всеми, по мнению комиссии, не работала на производстве и не знала жизни рабочего класса, и поэтому была из ЛАПП исключена.

Одним из тех, кто особенно нападал на Ольгу, был молодой писатель Михаил Чумандрин. Он называл ее либералкой, чуждым элементом и требовал, чтобы заодно ее исключили и из комсомола.

Чумандрин – бывший беспризорник, рабочий-прессовщик завода «Красный гвоздильщик» – попал в писатели по первому призыву ударников в литературу. Он только что опубликовал несколько очерков и был назначен одним из секретарей РАПП и редактором журнала «Звезда». Вспоминали, что как-то, явившись на заседание редколлегии и актива журнала «Звезда», где были маститые писатели: Ольга Форш и Юрий Тынянов, Корней Чуковский, Алексей Толстой и Самуил Маршак, Борис Лавренёв и Михаил Зощенко – он от неловкости крикнул им: «Здравствуйте, белогвардейцы!»

А теперь он упрекал Берггольц в отсутствии классового подхода и связи с рабочей средой.

Что ж, Ольга действительно демонстрировала широту своих взглядов. Она ходила в гости к Ахматовой, слушала ее стихи. В 1926 году ее, совсем еще юную поэтессу, направил к Ахматовой Николай Клюев. «Слушая детские мои стихи (16 лет), – писала Берггольц спустя годы в записной книжке, – сказал:

– Орел Сафо над вами, девушка.

Он еще называл меня “колосок”».

Ее возмущало отношение власти к Ахматовой: «...Слова – бог, богородица и пр. – запрещены. Подчеркнуты и вычеркнуты. Сколько хороших стихов погибло! Допустим, они не советские и, может быть, антисоветские – но что из этого? Контрреволюционного характера они не носят, зачем же запрещать их? Боже мой, какая тупость, какая реакция. Да, реакция».

Ахматовой нравятся стихотворные опыты Берггольц, она даже советует ей издавать сборник. Либединский, напротив, говорит Ольге, что она еще недостаточно зрелый поэт. Но именно он советует Ольге возвращаться в ЛАПП, и 12 февраля 1930 года она подает заявление о восстановлении.

Ее прикрепили к рабочему кружку «Красный путиловец» и восстановили в ЛАПП, что было для нее уже важно. Как ни любила Ольга поэзию Ахматовой, как ни читала, ни перечитывала Пастернака, Мандельштама и Ходасевича, – стихи для нее оставались стихами, а жизнь жизнью. И она выбрала советскую жизнь с энтузиазмом и верой в коммунизм. «Мы активно, страстно, как-то очень лично жили тогда всей политической жизнью страны, – писала она спустя годы в предисловии к сборнику стихов Бориса Корнилова, – всеми событиями в партии и так же активно и лично жили жизнью и событиями современной нам поэзии. А этих событий было в те годы много. Почти каждое из них волновало нас и вызывало споры, находило противников и последователей... Да, было много у нас тогда лишнего – был и догматизм, и чрезмерная прямолинейность, и ошибочные увлечения (так, кое-кто в “Смене”, “рассудку вопреки”, продолжал предпочитать акмеистов), – я не хочу идеализировать даже любимую молодость нашу, но не было одного: равнодушия. И к стихам своих сверстников и однокашников не были мы равнодушны. ...И вот все это вместе нераздельно и прекрасно слитое – искусство и жизнь – и формировало, как и других, поэта Бориса Корнилова и откладывалось в его стихах».

Белокрылая жена

Борис Корнилов вошел в ее жизнь, когда она еще только начинала осознавать себя поэтом, а он уже точно знал, что он – поэт настоящий.

Мужчины вспоминали о золотоволосой, очень красивой девушке. «Тонкоплечая», – говорил о ней Николай Тихонов.

«...С золотисто-льняной челкой, выбивавшейся из-под красного платка, с золотисто-матовым румянцем», – писал друг юности Лев Левин¹².

А рядом с ней «коренастый парень, – таким увидела его Ольга, – с немного нависшими веками над темными, калмыцкого вида глазами» – Борис Корнилов.

Они были вместе всего два года, но имена их и судьбы оказались связаны навсегда.

Почему именно Корнилов встал рядом с Ольгой, хотя вокруг было много молодых талантливых юношей, которые ухаживали за светловолосой красавицей?

«Борис Корнилов был самым ярким из всей группы, – вспоминал Гор. – Его голосом разговаривало с читателем время, разговаривал комсомол, словно этот окончивший деревенскую школу паренек вобрал в себя и окрасил собой все, что так легко и непринужденно ложилось в его строки и строфы...

Борис Корнилов несколько не ценил ни себя, ни свое время, которое лихо тратил на ресторанный одурь, на встречи со случайными, липнувшими к нему и к его похмелью людьми, и было непостижимо, когда и как он успевал так хорошо и много писать»¹³.

Девятнадцатилетний Корнилов был уже сложившимся человеком и хорошо знал, чего хочет. То же произошло и в его отношении к Ольге: он почти сразу влюбился и стал добиваться ее.

Ей семнадцать, ему девятнадцать. «Борис, весь содрогающийся от страсти, сжав и целуя меня, – шептал: “Моя?... Моя?... Хочешь быть моей? Только моей, а я – только твоим? ...? И я сказала – “да, хочу” ...а он, впившись мне в губы, рукой так терзал грудь, что я кричала и выбивалась, – но он был совсем как зверь...» – писала Ольга в дневнике.

Друг к другу их бросила юношеская страсть, жаждавшая выхода.

В автобиографии, составленной для врача-психиатра Я. Л. Шрайбера в 1951 году, Ольга вспоминала о начале их отношений: «В литгруппе “Смена” в меня влюбился один молодой поэт, Борис К. Он был некрасив, невысок ростом, малокультурен, но стихийно, органически талантлив... Был очень настойчив, ревнив чудовищно, через год примерно после первого объяснения я стала его женой, ушла из дома».

Они поженились в 1928 году, и первая книга стихов Корнилова «Молодость» была посвящена Ольге.

Корнилов родился в Нижегородской губернии, в городе Семёнове, который «расположен среди мощных, дремучих лесов, недалеко от реки Керженец, где русские бились с татарами, недалеко от озера Светлояра, где, по преданию, затонул град Китеж, – писала спустя годы Ольга. – Там еще до сих пор некоторые верят, что в тихий вечер на берегу Светлояра можно услышать звон колоколов затонувшего города. Город жив, он только живет на дне озера... Глухие, древние, кержацкие места, описанные Мельниковым-Печерским в известной его повести “В лесах”. Здесь до недавнего времени были еще – в лесных дебрях – староверческие скиты. А предки Корнилова – крестьяне, а отец и мать – сельские учителя...»

Град Китеж будет сниться Ольге всю жизнь.

¹² Левин Л. Дни нашей жизни. М., 1981. С. 177. Левин Лев Ильич (1911–1998) – российский литературный критик, поэт, драматург.

¹³ Гор Г. Замедление времени.

В стихотворении «Ольха» Корнилов с нежностью писал о молодой жене.

И хочу прибавить только
К моему пропетому стиху,
Что порою называю – Ольга —
Розовую, свежую ольху.

Поселились они в доме родителей Ольги на Невской заставе. В октябре 1928 года у них родилась дочь – Ирина. Но с самого начала их общая жизнь складывалась непросто.

Ольга знала, что на родине у Бориса осталась возлюбленная, его одноклассница Татьяна Степенина. Корнилов продолжал переписываться с ней, давать обещания, что оставит жену и дочь. Ольга тайно читала эти письма, страдала и ревновала мужа к прежней избраннице. Он пил, иногда не приходил ночевать... Так мучительно шли первые месяцы их брака.

Летом 1929 года они с Борисом поехали знакомиться с его родителями. Собственно, это будет их первая и последняя поездка. Там Ольга решилась встретиться с Татьяной Степениной. «А у меня такие дела; познакомилась с Таней, – пишет Ольга 4 августа сестре. – То есть просто подали друг другу руки, и она враждебно сказала: “Шишогина”. И всё. В те 3 минуты, пока она говорила с Борькой о том, чтобы он отдал ее кольцо, а она ему – его письма, я всеми силами смотрела на нее – и молчала. Знаешь, она хороша; я мучительно забываю ее лицо, бывает так – ни за что не восстановить лица в памяти. Она превращалась в мою манию. Я была точно влюблена в нее... И конечно, я этого НИКОГДА не прощу. Понимаешь, есть такие болезни, которые залечиваются, но не вылечиваются. В данном случае – лишь залечивание. Я хочу его любить, ведь я его очень много любила, насколько помнится... А в общем... стараюсь залечить пока...»

Борис тоже был очень ревнив. Он читал Ольгины дневники, придирчиво следил за ее встречами и знакомствами. И грубое его мужское начало, бывшее на первых порах таким привлекательным, его разгульная сила через год совместной жизни стали для Ольги невыносимы. Его безудержность, пьянство – все это было и частью характера Корнилова, и одновременно нарочито разыгрываемой ролью. И, как это часто бывает у русского человека, вольница заменила собой свободу.

А Ольге хотелось иных отношений. Еще до их замужества друзья по «Смене» предостерегали ее: «Вчера шли с Друзиным с Литкружка... Узнал, что любит меня Борис, и удивился “моему выбору”: ведь он неразвит, некультурен, мало понимает... О чем с ним говорить? Гм... Он отчасти прав. Мне хочется с ним поговорить, например, об искусстве, о жизни, о “новом человеке”, – а он усмехается и называет это “восторженностью”».

Между кормлениями дочери Ольга бегала на лекции в Институт истории искусств. Борис пытался зарабатывать, учиться, но срывался, пил.

Неизвестно, что ждало бы Ольгу, останься она женой Корнилова. В 1929 году его исключили из комсомола, Ольгу же, напротив, восстановили в ЛАПП. Пути их расходились. Да и семейная жизнь не ладилась. Современники вспоминают, что, натываясь на них в каких-нибудь столовках, видели, как они только изредка перебрасываются короткими фразами. Ольга то мирилась, то ссорилась с Корниловым.

Юрий Либединский, ухаживавший в это время за Марией Берггольц, писал ей 25 февраля 1930 года: «Я не доволен, что Борис и Ольга помирились. И ты не дружи с Борисом. Бывают люди, которых нужно, чтобы они были хорошие, – ласкать. А бывают – которых надо бить. Он принадлежит ко вторым. Кстати, я это понял благодаря тебе, благодаря твоим рассказам о нем. Надо, чтобы ему стало плохо, тогда он поймет, чем может быть для него

Ольга и чем он сам. Мне кажется, что в интересах Оли – да и, пожалуй, Бориса – чтоб они не мирились. Ну, впрочем, это их семейные дела».

Корнилов с его пугачевским разгулом был неприятен Либединскому как в бытовом, так и литературном плане. Но Ольга, несмотря на все размолвки, знала истинную цену таланта Корнилова и спустя несколько месяцев в письме к сестре язвительно замечает: «А Борькину книгу твой Юрочка (Либединский. – Н. Г.) зарезал зря. По глупости своей природной... Режут такой талантище, как Борис, а на страницах “Октября” печатают архибездарнейшую поэму Уткина, прикрывая ее именем подлинно пролетарской литературы. Как люди не понимают, что это вредней и опаснее всех Борисовых книг, хотя бы лишь потому, что бездарь выдается за подлинное, что фальшивка – за настоящее искусство».

Общая жизнь с Борисом заканчивается. Она перестает его ревновать, больше не реагирует на его загулы. В стихах из дневника она откровенно признается:

От тебя, мой друг единственный,
скоро-скоро убегу,
след мой легкий и таинственный
не заметишь на снегу.

А в автобиографии объяснила: «Я разошлась с ним просто-таки по классическим канонам – отрывал от комсомола, ввергал в мещанство, сам “разлагался” ...Разрыв с Борисом перенесла без особой травмы: была захвачена учебой и комсомольской работой в университете...»

Она предчувствует уже другую, новую жизнь. Она свободна. Дочь Иру растит мать.

...Летом 1930 года Борис уехал с киностудией «Ленфильм» в Баку, потом в Тбилиси, а затем к родителям. Фактически это был развод, формально же они расстались только через год, когда у каждого из них уже была своя жизнь.

Но вслед он еще выкрикнет с обидой и отчаянием:

И забуду вовсе имя-отчество
той белесой, как луна, жены.

А навсегда распрощается со своей русалкой в стихотворении-воспоминании только в 1935 году.

У меня была невеста,
Белокрылая жена.
К сожаленью, неизвестно,
Где скитается она:
То ли в море, то ли в поле,
То ли в боевом дыму, —
Ничего не знаю боле
И тоскую потому.
Ты кого нашла, невеста,
Песней чистою звеня,
Задумчивая, заместо
Невеселого меня?
Ты кого поцеловала
У Дуная, у Оки,
У причала, у обвала,

У обрыва, у реки?
Он какого будет роста,
Сколько лет ему весной,
Подойдет ли прямо, просто
Поздороваться со мной!
Подойдет – тогда, конечно,
Получай, дружок, зарок:
Я скажу чистосердечно,
Чтобы он тебя берёг,
Чтобы ты не знала горя,
Альпинистка – на горе,
Комсомолка – где-то в море
Или, может, в Бухаре.

Либединский и Муся: «...совпадающая со мной походка»

Юрий Либединский, откомандированный РАПП в 1928 году в Ленинград для работы, жил в гостинице «Астория», которая тогда называлась 2-й дом Советов. Его каждодневная деятельность проходила на собраниях и в разъездах. В стенограммах заседаний ЛАПП пометки: «Речь оратора прерывается. В зал входит Либединский. Все встают. Аплодисменты...»

Либединский был одним из популярных вождей пролетарской литературы. Свою первую повесть «Неделя», сделавшую его знаменитым, он посвятил Марианне Герасимовой, которую знал с юных лет. Марианна – прототип главной героини повести. «Это произведение, Мураша, писалось для тебя и во имя тебя. И те, кто будет читать его, обязаны тебе его появлением», – признавался он в одном из писем к возлюбленной. Вместе они прожили недолго, но дружба сохранилась навсегда.

Отец Марианны Анатолий Алексеевич Герасимов был участником революционного движения, писателем и журналистом, младшая сестра Валерия с двадцати лет начала писать, познакомилась с Александром Фадеевым и стала его женой.

Вдохновленная идеалами революции, Мураша Герасимова пошла работать в ОГПУ, где служила с 1923 года сначала помощником информационного отдела, а в 1931 году ее назначили начальником 5-го отделения Секретно-политического отдела. Она занималась делами советской литературно-художественной среды. Именно Герасимова вела дело тридцатилетнего профессора А. Ф. Лосева, который, по ее словам, попавшим в обвинительное заключение, был «идеолог наиболее реакционной (православно-монархической) и активно антисоветской части церковников и интеллигенции»¹⁴. В 1930 году Лосев был отправлен на десять лет на Беломорканал, где почти полностью потерял зрение, и был освобожден в 1933 году только благодаря заступничеству Екатерины Павловны Пешковой.

Пока неизвестны все дела, которые вела Герасимова, но жизнь ее сложилась трагически. Об этом еще будет рассказано.

В статье о Либединском в Литературной энциклопедии тридцатых годов о повести «Неделя» говорилось: «...намечена идея проверки и переделки человеческого материала... Основной образ, который встает перед читателем “Недели”, – образ коммунистической партии: это она рубит дрова на субботнике, обеспечивает семенами крестьянские поля, защищает от кулацкого восстания город, управляет государством, воспитывает и перевоспитывает людей»¹⁵.

Книгу после ее появления сразу же внесли в школьную программу, и старшеклассники переписывали эпиграф из повести в свои тетради и дневники: «Какими словами рассказать мне о нас, о нашей жизни и нашей борьбе!» Эта надпись начертана и на могильном памятнике Юрия Николаевича.

Рассказывает повесть об одной самой тяжелой неделе весны двадцать первого года в родном городе писателя Челябинске. Еще не кончилась Гражданская война, в городе голод, угроза кулацкого мятежа. Группа коммунистов гибнет, защищая город, жертвуя собой. Не случайно повесть и ее герой нашли отклик у Николая Бухарина, который 30 января 1923 года в газете «Правда» опубликовал статью «Первая ласточка» с высокой оценкой «Недели». Эта статья и стала предисловием к книжке Либединского.

¹⁴ Тахо-Годи А. Лосев. М., 1997. С. 159. (ЖЗЛ).

¹⁵ Литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1932. С. 356–365.

Автор повести был принят «интеллигентными» партийцами, воспитанными на народных идеалах, и это помогало ему подниматься по номенклатурно-партийной лестнице. Но положительная рецензия Бухарина еще отзовется на судьбе писателя в тридцатые годы.

Отношения с юной Ольгой Берггольц у Либединского были теплыми, несмотря на то, что когда Ольгу исключали из ЛАППИ, Юрий Николаевич был одним из ее критиков. Он открыто ухаживал за ней, а Ольге льстило, что к ней равнодушен вождь пролетарской литературы и что он хвалит некоторые ее стихи.

И внешне он был хорош собой: с мушкетерской бородкой и усами, красивый, стройный, и при этом уже объявлен живым классиком. Но 1 декабря 1929 года на спектакле ТЮЗа Ольга познакомила его с юной Мусей. Либединский влюбился с в первого взгляда: «...вижу и твое милое лицо с золотыми и горячими глазами, – писал он ей 22 февраля 1930 года, спустя несколько месяцев после знакомства, – прекрасное очертание твоего профиля и грубоватую и неженскую силу твоего рта <...> как ты идешь рядом со мной, как это было впервые в ТЮЗе, я так обрадовался, что у тебя приятная, совпадающая со мной походка, а ты идешь, очень стройненькая, внушающая мне почтение, почти страх».

Мусе, которая была еще школьницей, непонятно было, как отвечать на знаки внимания взрослого мужчины. А он в своих любовных признаниях объяснял ей, что теперь, как Пушкин, мечтает обрести покой и счастье в семье. И хочет быть только с ней. 18 января он записывает в дневнике: «...в этой семнадцатилетней девочке – вернее, в наружности ее – нет ничего, ни одного движения, которое было бы мне неприятно, она вся в своей простоте и некоторой отгороженности внутренней кажется мне совершенной».

Но Муся была легкомысленна, своенравна и аполитична. И Либединский чувствовал себя с ней неуютно, совсем не так, как с Мурашей Герасимовой: «Каждый раз, когда ты пишешь о революции, – я настораживаюсь», – замечает он. А в письме от 1 марта 1930 года, отвечая на ее послание, строго выговаривает Мусе: «Но есть в этом письме место, которое меня разозлило и ошеломило, это по поводу продажи картин из Эрмитажа – за границу. Да, ошеломило и разозлило, и, хотя я в прямой зависимости от тебя, и ТЫ МОЖЕШЬ НА МЕНЯ РАЗГНЕВАТЬСЯ за это, я все-таки тебе выражу свои чувства, хотя это и будто не в моих интересах.

Дело не в том, что мне не дороги картины из Эрмитажа, а тебе они дороги... Но в тоже время для меня – это не разрешается так, как у тебя получается – ВАНДАЛЫ, ВАНДАЛЫ, но ведь НУЖНА валюта.

Вандалы – милая совушка, как обидно и нехорошо слышать от тебя это слово, которое всякая шваль уже тринадцать лет говорит по нашему адресу».

Либединский, воспитанный в культурной семье врача, окончивший реальное училище, не мог не понимать ценности произведений искусства, которыми уже десятилетие бойко торговала Советская власть. Но его революционные взгляды на мораль, убеждение, что цель оправдывает средства, не позволяли ему усомниться в решениях партии.

И вот он влюблен во взбалмошную девушку, которая слушает его вполуха и не принимает его партийных истин. А Муся с простодушным и открытым взглядом на мир, свободная от всяких идеологических схем, своими утверждениями пробивала брешь в стене, которая отделяла Либединского от повседневной жизни, засыпала вопросами, обычно не долетающими до рапповского Олимпа. Может быть, именно с этим и было связано появление нового романа Либединского, где он описал собратьев-коммунистов, которые постепенно воспроизводят черты прежнего российского чиновничества, а партийная верхушка стремительно превращается в партийную бюрократию. Об этом Либединский попытался рассказать в романе «Рождение героя» и посвятил его Марии Берггольц.

Книга была подвергнута серьезной партийной критике. «Показ интимнейших переживаний отрывает писателя от классовой практики... Либединский допустил здесь ряд круп-

ных ошибок и извращений... Сложная история окончательного преодоления в себе старым и активным партийцем Шороховым чуждых социально и враждебных политически идейно-психологических моментов сведена к образному развертыванию любви старика к молодой девушке и связана странным образом с потерей полового влечения»¹⁶.

Товарищи по РАПП били его за правый уклон, за меньшевистский идеализм, за теорию «живого человека». Но для коммунистов это было пока еще не опасно.

Муся соединилась с Либединским 19 марта 1930 года. Скоро у них родился сын Михаил, названный Либединским в честь друга – Михаила Чумандрина. Того самого, который обвинял Берггольц в классовой чуждости и призывал исключить ее из комсомола.

Как вспоминал о нем Николай Чуковский, Чумандрин был классическим рапповцем. «Это был молодой толстяк в косоворотке, самоуверенный, темпераментный, с самыми крайними левацкими взглядами... Он не признавал русских классиков, потому что они были дворяне, не признавал переводной литературы, потому что она была сплошь буржуазная»¹⁷. Но друзья Чумандрина любили. Драматург Александр Штейн вспоминал его прозвище – Михаил Бешеный Огурец. Бешеными огурцами садоводы называли огурцы, лопающиеся на грядке с пушечным грохотом. Таким был и Чумандрин. Резал на собраниях правду-матку в лицо, в том числе и любимому другу Либединскому, в честь которого назвал своего сына Юрием.

Он был человеком догмы, и жизнь пытался подогнать под догму. «Однажды, подвыпив, расплакался и сказал, что многие считают его слишком примитивным, – писал Штейн, – а ведь он – интеллигент до мозга костей. Учтите, это было время, когда слово “интеллигент” еще было полубранным, и многие завидовали Мишиному пролетарскому происхождению»¹⁸.

Брак Муси Берггольц и Юрия Либединского продлился десять лет. Это были годы, насыщенные огромным количеством драматических событий как в стране, так и в семье. Не все смогли вынести главные вызовы времени. Под грузом испытаний распалась семья Либединских. Но эта история – впереди.

¹⁶ Литературная энциклопедия. Т. 6. С. 361.

¹⁷ Чуковский Н. О том, что видел. М., 2005. С. 257.

¹⁸ Штейн А. Непридуманное... М., 1985. С. 193.

«Республика, работа и любовь...»

Есть блуд труда, и он у нас в крови...
Осип Мандельштам

1929 год был объявлен в СССР годом Великого перелома. И жизнь Ольги Берггольц переломилась вместе со страной. Всё дальше уходит она от семейной «обывательщины», от Бориса Корнилова. Все ближе ей энтузиазмстроек, о которых каждый день говорят газетные заголовки. Теперь для нее несомненный авторитет – Юрий Либединский. В дневнике она отмечает противоречия эпохи, но мгновенно находит объяснение своим сомнениям, которое ей подсказывают старшие, более опытные товарищи. «Пятилетка – и почти голод. Коллективизация – и расправа с хлебозаготовителями. Но последнее объяснимо. Надо читать газеты. Надо не поддаваться стонам Ахматовой и др. Надо работать и писать о работе, трудностях и радости нашей стройки».

Ритм истории и ритм собственной судьбы ложится как строки стихов. Юность страны рифмуется с собственной юностью и завораживает целое поколение. Это они – строители новой жизни, и они вынесут любые испытания. Раз им не повезло отличиться на Гражданской войне, они совершат рывок, который приведет всю страну к счастью. Главное, чтобы не мешали враги.

И страна превращается в огромную стройку, где все радости прежней жизни объявляются обывательскими, нэпмановскими или кулацкими. В обстановке всеобщего энтузиазма Ольга все больше тяготится безалаберным и пьющим мужем.

Она учится в Государственном институте истории искусств. «Это было очень колоритное учреждение, – вспоминала она, – там учились в основном нэпманские сынки и дочечки, затем какие-то студенты-волосатики, главным образом “убежденные идеалисты”, “философские интуитивисты”, поклонники Лосского, Бергсона и, конечно, Фрейда... Нас, комсомольцев, в ГИИ было очень мало, и мы приняли на себя всю, так сказать, тяжесть борьбы с “накипью нэпа”». Потом Ольга уже говорила об этом «колоритном» учреждении по-другому, отдавая должное талантливым людям, которые ее окружали. «Шкловский вообще говорил о чем придется, главным образом о кино, о гениальности Эйзенштейна, Пудовкина, выпускавших тогда одну картину за другой. Шкловский начинал свои лекции словами: “Знаете, что я вам скажу...” – и говорил так, что мы теряли смысл начала речи, когда приближался ее конец, потому что были опьянены ее великолепным содержанием», – писала Ольга в автобиографии.

После расформирования института как не соответствующего новой идеологии всех комсомольцев, в том числе и ее, перевели на филологический факультет Ленинградского университета, где она встретила начинающего студента-словесника Николая Молчанова.

Он с первого взгляда ей понравился. Молчанов отвечал всем ее представлениям об идеальном советском человеке. Он был аскетичный, честный, порядочный и настоящий комсомолец. Именно такого мужчину Ольга хотела видеть рядом с собой. «Донской казак по происхождению, высокий, удивительно ладный, он был необычайно, строго и мужественно красив, и еще более красив духовно», – писала она в автобиографии.

Он не сразу пошел на близкие отношения. Сопrotивлялся, хотя тоже был влюблен. Но считал, что, когда строится социализм, не время для семейной жизни, все личное должно отступить на второй план. Однако Ольга победила.

«Да, собственно, моим первым шагом было то, что я сошлась с Николаем, – записывает она в июне 1930 года. – Сознательно добивалась этого. Все время хотелось его ласк и поцелуев. Иногда я просто болела им. Его брови меня мучили, и то, когда он, которому я

по плечо, шел рядом, и руку мне стискивал – ну, умри, а целуй, а будь моим! Сознательно не разбиралась в “чувствах”... Сознательно отмахивалась от того, что он с кем-то жил или живет, от вопроса о его “прошлом” – в общем, такое “сознательное бессознание”. И кое-что в этом я считаю плюсом, а не минусом».

А 1930 год начинается с рокового постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». На ОГПУ возлагается организация так называемого раскулачивания.

В столыпинских вагонах везут в Сибирь и на Крайний Север сотни тысяч раскулаченных крестьян с семьями. Едут миллионы трудолюбивых крестьян. Часть из них пополнит число рабов на стройках социализма, часть высылается в лагеря. Дорогу выдерживают только самые сильные. Умирают женщины и дети. Но это никого не останавливает. «Повсюду одно, – пишет очевидец. – Развороченный муравейник. Поезда с раскулаченными идут в Казахстан, вербовщики ищут новых рабочих, соблазняя парней хлебом и сахаром»¹⁹.

Взрывают церкви – считается, что именно православие идейно поддерживает крестьянство. И последствия раскулачивания очень скоро дадут о себе знать: голодом будет охвачено полстраны.

Летом 1930 года Ольга отправляется на преддипломную журналистскую практику в газету Владикавказского окружкома ВКП(б) «Власть труда». Обьезжает города и аулы, пишет о ходе коллективизации. С тоской и нежностью вспоминает Корнилова, думает о далеком Коле Молчанове, о своем будущем: «Я должна, я буду писать настоящие, хорошие стихи!..» Для нее стихи – фактор борьбы и строительства новой жизни. Это время, когда ей кажется, что она на гребне удачи.

Ольга колесит по стройкам Северного Кавказа, и перед ней разворачиваются тяжелые картины жизни и быта местных жителей: «...Колхозов нет. Продовольствия нет, живут впроголодь, строится дорога Шатой – Шарой, эта дорога свяжет горную Чечню с окружным центром, строится на 50 % за счет населения. Работа должна быть приостановлена вследствие полного отсутствия продуктов. Послали письмо чеченскому окружному ВКП, крайисполкому и центральному совету автодорог. Население просило оказать поддержку». Их же – газетчиков, людей из центра – кормят, обихаживают...

В горном селе Ольга встречает человека, у которого отняли все, раскулачили, хотя он был известный в крае партизан, участник Гражданской войны. «У него какая-то пришибленная покорность, и мне стыдно перед ним», – пишет она, но уговаривает себя, что это временные трудности, что надо терпеть и верить в лучшее.

Она всецело захвачена строительством Гизельдонской ГЭС в Северной Осетии. В ущелье Кавказа тысячи людей вгрызаются в горную породу, чтобы построить туннель. И хотя в дневнике Ольга отмечает ужасные условия работы, отсутствие у строителей даже необходимого питания («начальники берут себе буханку. Приходит 3-я смена 8 человек, просят хлеба. Начальник отдает буханку – полтора дня смена питается буханкой...»), она полна небывалого восторга. И пусть начальник строительства со смехом говорит ей, что если люди не поедят, то они «обижаются», но, именуя всех строителей энтузиастами, она внутренне отрешается от понимания истинной цены строек коммунизма.

Так Берггольц знакомится с первыми шагами индустриализации.

Ольга тогда и представить не могла, что почти все начальники и инженеры как ГЭС, так и других объектов, с которыми она встретилась в то лето, сгинут в конце тридцатых годов. Энтузиасты сталинских строек навсегда исчезнут в тюрьмах, ссылках, лагерях...

Вернувшись в Ленинград, Ольга добивается того, чтобы их вместе с Николаем Молчановым по распределению отправили в Казахстан корреспондентами газеты «Советская

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 246.

степь». В Казахстане идет массовая насильственная коллективизация. Через несколько лет Ольга напишет повесть «Журналисты». Там не будет даже намека на трагическую реальность, которая открылась ей в те дни. Тем не менее эта повесть сыграет страшную роль в жизни Берггольц. В конце тридцатых годов ее книга будет фигурировать в ложных обвинениях и на допросах Ольги и ее товарищей, хотя на момент публикации все выглядело абсолютно безобидно.

Главный герой повести – журналист Михаил Якорев, печатающийся под псевдонимом Банко. Прототипом его стал Леонид Дьяконов (Анк), сотрудник газеты «Кировская правда», двоюродный брат Николая Заболоцкого. Главная героиня Тоня Козлова, мечтающая стать «Ларисой Рейснер реконструктивного периода», едет по призыву комсомола работать в одну из среднеазиатских республик. Третий герой повести – комсомолец Павел Калганов, влюбленный в Тоню, – был написан с Николая Молчанова. Наивный рассказ о дружбе трех журналистов создавался не без влияния классической литературы, Ольга ее знала и любила. Комсомольский журналист Банко был наделен печоринскими чертами и потому выглядел наиболее убедительно, но остальные герои обрисованы достаточно схематично. На это указывала и критика, и Николай Молчанов, которому повесть Ольги не понравилась.

И все-таки они вместе пережили в Казахстане общее чувство счастья, о котором Ольга Берггольц рассказала в неоконченной второй части «Дневных звезд». Глава об этом должна была называться «Вот так мы войдем в социализм».

Тогда им всерьез казалось, что социализм воссияет перед ними, как когда-то Христос воссиял перед апостолами. Вера их укреплялась с каждым днем, и в газете они старались проводить линию партии. Но не могли они закрывать глаза и на ужасающую практику раскулачивания, с чем сталкивались как журналисты, хотя в официальной пропаганде это называлось борьбой с «отсталостью» и «бюрократией». И от того, что ни с нищетой и бесправием населения, ни с бесхозяйственностью местного партаппарата ничего нельзя было сделать, Ольгу порой охватывал «ужас неверия».

О такой растерянности говорит неотосланное Ольгино письмо к Либединскому, где она обращается к нему как к старшему товарищу и коммунисту в надежде, что он разрешит ее сомнения.

«...Юра, сейчас у меня с тобой как бы закрытое партсовещание. Ты знаешь, ни Муське, ни маме, ни другим я никогда не пишу полной правды... Но тебе должна сказать всё. Ты коммунист, мое руководство, и ты должен знать о вещах так, как знают о них коммунисты. Вот теперь в газете я знаю, что многое “замалчивают”, многое мы не печатаем, многое не говорим, – это правильно, это так и надо, и всю правильность и колоссальное значение мозга революции – партии – я оценила только сейчас в полной мере. Так вот, Юренька. Работать тут очень тяжело. В редакции и Казахстане. Ты только подумай – ни по одному показателю Казахстан не дает 100 %. Все заготовки идут позорно. На грандиозном строительстве – Турксиб сквозь кинофильмы, стихи и прочее казалось таким прекрасным – столько безобразий, головотяпства, оппортунизма, что голова кругом идет. В день сжигают по несколько паровозов. Какая-то круговая порука безответственности. В краевых конторах сидит порядочное число “жлобов”. Например, хлопковая посевная. Уж чего, кажется, важнее. Подготовки к севу – ни к чёрту. Заготовительный план реализован с начала кампании на 43 %. И т. д., и т. д.

Верно, сдвиги и достижения тоже колоссальные, особенно если их соизмерить не то что с царским Казахстаном, но с тем...» Далее письмо оборвано.

На Кавказе Берггольц видела «достижения» социалистической индустриализации. Теперь перед ней разворачивались картины сталинской коллективизации.

В то же время Ольга впервые столкнулась с механизмом идеологической пропаганды, которая оправдывала беспощадные методы строительства социализма. Между собой друзья,

несомненно, вели диспуты о том, что великая цель оправдывает любые средства. Пытались прикидывать в цифрах, сколькими жизнями можно было бы обойтись, думали даже о процентах подобных издержек. Но эти разговоры велись до тех пор, пока можно было вслух говорить на подобные темы. Да и ответ партии был известен: надо терпеть, надо принимать указания начальства без ропота и протеста.

Они – молодые журналисты – так и делали. Возмущались приписками и очковтирательством, но в итоге писали то, что от них требовалось. Себя не жалели. Работали по шестнадцать часов в сутки, жили в промерзшей редакции, спали на столах. От сизифова труда журналиста в глубинке Ольга едва держалась на ногах. Сославшись на необходимость встречи с дочкой, она едет в Ленинград. Молчанов остался в Алма-Ате.

«Такие девушки бывают только в сказке...»

В 1930 году у Ольги выходит книга рассказов для детей «Зима-лето попугай», которую издал в своей детской редакции Самуил Маршак. Он и познакомил Ольгу с приехавшим в Ленинград 20 сентября 1931 года Максимом Горьким. Пролетарский писатель планировал создание новых перспективных проектов, одним из которых должно было стать издательство «Детская литература».

Его «оруженосцем» в Ленинграде был один из руководителей РАПП Леопольд Авербах, который, как родственник зампреда ОГПУ Генриха Ягоды, был вхож в кремлевские и властные коридоры. Отец Авербаха был директором гостиницы «Европейская», где часто проходили писательские встречи, которые обычно заканчивались в ресторане гостиницы.

По воспоминаниям Вениамина Каверина, Авербах был «маленького роста, в очках, крепенький, лысый, уверенный, ежеминутно действующий – трудно было представить его в неподвижности, в размышлениях, в покое»²⁰.

Говорил Авербах энергично, напористо, но речь его была соединением пустот. Он жонглировал мнимыми понятиями, заговаривая слушателей. Он сбивал с ног своей уверенностью, что общими усилиями они создадут новых Шекспиров, научат писать, как Федин.

Он был невероятно технологичен, практичен. Каверин вспоминал: как-то на встрече в «Европейской» Авербах выступал перед писателями-попутчиками, среди которых были Зощенко, Слонимский, Шкловский, и говорил с ними так, как будто у него, автора торопливых статей, посредственного литератора, была власть над настоящими писателями.

В огромном письме Николаю Молчанову от 23 сентября 1931 года – несколько страничек, плотно исписанных яркими зелеными чернилами, – Ольга в подробностях и не без гордости расскажет, что произошло с ней в те летние месяцы в Ленинграде.

«Потом приехал Авербах... По приезде он сразу проявил максимум заинтересованности ко мне. Мы с ним сразу подружились. Ходили, разговаривали, ужинали в Европейской и т. д. Колька, что это за человек, наш Князь! Интересно, что ему 28 лет! А человек два раза был на нелегальной работе в Германии и Франции, его там били, выслеживали и т. д. Да всего не расскажешь. Ведь он, кроме того, член первого ЦК КСМ, организатор его и т. д. В общем – князь, князь. И (деталь) потом вдруг еще открылась его сторона, вдруг (?) говорит: “неделями тянет к револьверу” и т. д. <...> Ну ладно, потом приезжает небезызвестный тебе Горький. Маршак тянет меня к нему насчет “Костров”²¹. Идем, долго говорим (больше я, чем Маршак). Спорим. Горький заинтересован, заражен. Пишет рассказ о Ленине, воззвание относительно “Костров”. Колька, Горький до того милый, хороший парень, что я просто обалдела. Сидела с человеком, который написал “Клима Самгина”, и чувствовала себя лучше, вернее, непринужденнее, чем с Авербахом. Тоже, если писать, книжку надо.

Вечером, после рабочего театра, едем к Горькому ужинать. Зашел разговор о фольклоре, Юрий попросил спеть частушки. Я запела и пела под общими восторгами и просьбами полтора часа. На другой день всем окол, какая есть хорошая девушка, умная и т. д. Сказал, что обязательно я должна прийти к нему, – он будет какие-то капитальные труды по народному творчеству издавать, говорит, что я должна обязательно участвовать, реализовывать

²⁰ Каверин В. Эпилог. С. 84.

²¹ «Костры» – тематические сборники, предназначенные для детей, которые О. Берггольц готовила к печати. Литературным консультантом «Костров» был С. Маршак. Первый сборник весь состоял из рассказов о героях. По мысли создателей, эти рассказы «бывалых людей» пионеры слушали у костра. Авторами рассказов были Л. Пантелеев, Н. Тихонов, Р. Васильева, А. Золотовский, Ю. Либединский, В. Кетлинская, М. Зощенко и др. В 1932 году был выпущен «Костер первый», в котором Берггольц опубликована рассказ «Свинцовый поход: Рассказ журналистки» (М.—Л., 1932. С. 121–134) – о свинцово-цинковом заводе под Владикавказом, так как «Без свинца нет пуль, нет снарядов».

свои частушки и пр. В общем, ребята продолжают говорить с каким-то благоговением об отзывах Горького обо мне.

Сегодня с золовкой А. М. (очень хорошая, а сынок его ба-алда!) была у В. В. Лебедева²². Фраер. Потом завтраками у А. М. Потом поехали в музей ГПУ. Ох, Николка! Какую кучу гадов и мы уничтожили, и сколько еще ее есть, жуть берет... В общем, я была потрясена. Потом мы поехали в ТЮЗ. Была «Хижина дяди Тома» – такое безобразие, что я отупела <... > Э, да за ТЮЗ нужно взяться – во как. Ведь у них даже Франции нет. Перевальцы какие-то, гуманисты, ребят портят, мать их... и вот, очевидно, от этого у меня такое мрачноватое настроение.

Впрочем, нет, – раздражает неопределенность положения. Авербах и Горький считают, что «Костры» настолько мировое дело, что ему нужен особый руководитель. Между прочим, Горький сказал, что это должно быть особое издательство и что он все сделает для этого.

И вот Авербах и Горький решили, что они отзовут меня – и тебя. Через Ц. К. ВЛКСМ. Сейчас же. И вот это-то меня и мучит. С одной стороны, я определенно знаю, что я по-настоящему нужна здесь, для того, чтобы сделать большое настоящее дело. Людей для этого дела нет. Маршаку доверить его – нельзя (подчеркнуто Берггольц. – Н. Г.) при всем его энтузиазме. И в ЛАППе дела – до черта, ЛАПП, оказывается, – слабая организация, а ребята в то же время растут так, что голова кружится от успехов.

А с другой стороны, как же бросить З. К.²³? Колька, очень странное дело, ведь тосковала о Ленинграде в Алма-Ата, а приехала – буквально не терпелось ехать работать обратно. Что ж, теперь погастролировала, и в кусты? А орден²⁴? После того, сколько о Казахстане рассказано, как только почувствовала в себе силы для настоящей работы – так... что же получается, Коля? Я в нерешительности. Основное настроение – Казахстан до марта. Но – отзыв? Но – в марте, возвращение мое не имеет смысла. Надо положить начало новому издательству, большое дело начать – сейчас.

Но самое основное – ты. Ведь я хорошо помню твой вопль: «В Ленинграде что мне делать?» Это, конечно, и верно, и неверно, очень неверно. Работы много – до черта, Колюша. И – я хочу быть там, где ты. Я... теряюсь без тебя, свет мой!»

Ольга, несмотря на горячее чувство к Николаю, не может пройти мимо огромных перспектив, которые открывают перед ней Маршак, Горький и Авербах. При этом у нее уже появляются начальственные нотки «нового человека», который не может «доверить» Маршаку руководство детской литературой. Заметим, Ольге только двадцать один год, и она еще не так много написала. Но непомерные похвалы делают свое дело: она принимает многообещающие предложения и входит в круг советской богемы.

Попутно она изобретает способ вытянуть Молчанова из Казахстана. С этого момента можно четко проследить, как Николай, будучи абсолютно честным и самостоятельным человеком, попадает под напор ее сильнейшей воли. Принимать решения теперь станет она, и так будет до его смертного часа в блокадном Ленинграде. Но в творчестве всё было иначе: тут он всегда – самый главный и строгий ее судья.

Однако пока она ничего изменить не может. Хотя все в один голос обещают ей вызвать Николая в Ленинград, дело стопорится. Возможно, потому, что тот, от кого это зависит, имеет на Ольгу свои виды.

²² Художник Владимир Васильевич Лебедев, иллюстратор книги О. Берггольц «Зима-лето попугай».

²³ ЗК – газета «За коллективизацию», Алма-Ата. Орган крайкома ВКП(б) Наркомзема. Выходила в 1931 г.

²⁴ Имеются в виду амбициозные планы молодых людей получить награды за освещение коллективизации в Казахстане в газетах «За коллективизацию» и «Советская степь». Но ордена получены не были.

Авербах заверил Ольгу, а та в свою очередь Молчанова, что ему будет послан вызов из ЦК. Но вызов все не приходит, и Молчанов начинает подозревать Авербаха в том, что тот умышленно держит его вдали от Ольги. И подозрения эти не лишены оснований: именно тогда у Берггольц завязывается роман, который очень льстит самолюбию начинающей поэтессы.

Авербах был чрезвычайно влиятельной фигурой не только в литературном, но и в политическом мире. Не случайно Ольга и Николай называли его между собой в письмах «князем».

В конце 1931 года Молчанов пишет Ольге: «Последние события совершенно перевернули дело. Авербах таки оказался сукой. Может, это сильно сказано, но факт тот, что его информация не отвечает действительности. От 23-го послана не телеграмма Постышева, а вторичный отзыв – вялый и глуповато написанный. Этим отзывом да запросом характеристик и исчерпывается наше дело в крайкоме».

Свою журналистскую жизнь Ольга продолжает на заводе «Электросила», где до августа 1933 года работает редактором комсомольской страницы заводской многотиражки. По предложению Горького она начинает писать историю завода. Горький писал ей вдохновляющие письма, однажды сказал о ней фразу, которую передали ей: «Такие девушки бывают только в сказке, это же фантастика...»

А Молчанов так и не получил вызова и в феврале 1932 года прямо из редакции казахстанской газеты «Советская степь» был призван в армию. Прослужил он всего семь месяцев. Ненадолго ему удастся приехать в Ленинград, и, когда Ольга оформила свой развод с Борисом Корниловым, они смогли с Молчановым официально пожениться.

Однако и флирт между Авербахом и Берггольц время от времени возобновляется. Даже после того, как в апреле 1932 года вышло знаменитое постановление о роспуске РАПП и Авербаха отправили на работу секретарем Орджоникидзевого райкома ВКП(б) Свердловской области, что по сути означало мягкую ссылку, он часто наезжал в Ленинград. «Мы с Ольгой Берггольц, – вспоминал Лев Левин, – обычно встречали его на вокзале, ехали в гостиницу “Астория” (тут ошибка памяти, гостиница “Европейская”. – Н. Г.), где у его отца был постоянный номер... Запомнились веселые автомобильные поездки втроем в Петергоф, Сестрорецк, Павловск или на острова»²⁵.

Связь с Авербахом сыграет в судьбе Ольги Берггольц роковую роль. В апреле 1937 года он будет арестован. Его арест скажется и на ее судьбе.

²⁵ Левин Л. Такие были времена. М., 1991. С. 13.

«Слеза социализма»

*Если ж кто угрюм и одинок,
вот мой адрес – может, пригодится? —
Троицкая, семь, квартира тридцать.
Постучать. Не действует звонок.*

Ольга Берггольц

В конце двадцатых годов ленинградские творческие работники решили в складчину построить жилой дом на улице Рубинштейна²⁶, недалеко от Невского проспекта.

Официально он носил название «Дом-коммуна инженеров и писателей», а коммунары называли его «Дом радости». Строился он с 1929 по 1931 год и вначале полностью удовлетворял представлениям коммунаров о новом быте. Но между собой жители дома вскоре стали называть его «Слеза социализма». Оказалось, что сооружен он был ужасно. Один из его обитателей – драматург Александр Штейн вспоминал: «Сергей Миронович Киров заметил как-то, проезжая по нашей улице им. Рубинштейна, что “слезу социализма” следует заключить в стеклянный колпак, дабы она, во-первых, не развалилась и дабы, во-вторых, при коммунизме видели, как не надо строить. Название родилось, очевидно, и по прямой ассоциации: дом протекал изнутри и был весь в подтеках снаружи по всему фасаду»²⁷.

«Мы вселились в наш дом с энтузиазмом, – писала Ольга спустя годы, – и даже архинепривлекательный внешний вид “под Корбюзье” с массой высоких крохотных клеток-балкончиков не смущал нас: крайняя убогость его архитектуры казалась нам какой-то особой строгостью, соответствующей времени... Питаться можно было только в столовой, рассчитанной на 200 мест. В нем была коридорная система, отсутствовали кухни (одна общая), душевые располагались в конце коридоров. Санузлы были, но по одному на этаже».

Большую часть первых жильцов коммуны составили близкие Ольге друзья и приятели: Михаил Чумандрин, Юрий Либединский с Мусей, Савва Леонов, Александр Штейн, Петр Сажин, Ида Наппельбаум с мужем – поэтом Михаилом Фроманом.

«В доме было шумно, весело, тепло, двери квартир не запирались, все запросто ходили друг к другу, – вспоминала поэт Ида Наппельбаум. – Иногда внизу в столовой устраивались встречи с друзьями, с гостями, приезжали актеры после спектаклей, кто-то что-то читал, показывали сценки, пели, танцевали. В тот период впервые после суровой жизни последних лет военного коммунизма стали входить в быт советских людей развлечения, танцы, елки...»²⁸

Сначала в дом въехали Либединский с Мусей, у которого было куплено здесь три квартиры: одна для жилья, другая – творческая мастерская, а третью передали Ольге и Молчанову. У Муси рос маленький сын Михаил, с которым она никак не могла научиться управляться.

На обрывке, явно вырванном из дневника, сохранившемся в домашнем архиве, читаем странное признание Ольги от июня 1932 года, относящееся к сестре: «Меня охватывает щемящая – вот именно щемящая жалость к ней, к Муське, которая похожа на принцессу

²⁶ До 1929 г. – Троицкая улица.

²⁷ Штейн А. Непридуманное... С. 202.

²⁸ Наппельбаум И. Угол отражения. СПб., 2004. С. 127.

с соломенными ногами и глиняными руками, к Муськиному заморенному сыну, и в тоже время ненависть, такая, что не могу на них смотреть, – дикая, грубая...»

Что значила эта жалость, переходящая в ненависть? Ольга и сама понимает, что это нечто «дикое» в ней. Может быть, дело в том, что в эти годы особенно остро проявляется в ней отторжение от родового и бытового. Все, что связано с собственным детством, семьей, кажется ей мелким, жалким и убогим. С тем же раздражением она нередко бросается на мать, которая живет с ними, воспитывая Ольгину дочь Ирочку. С начала тридцатых годов Мария Тимофеевна уже в разводе с Федором Христофоровичем. Детское преклонение Ольги перед матерью, сострадание уходят навсегда. Она пишет о ней как о вечно ноющей, заглядывающей в глаза, неумелой и нелепой. Винит себя за эти слова, но все равно обижает мать.

Неумелые, слабые, несобранные – такой видится ей теперь родня не только со стороны Берггольцев, но и молчановская, которая раздражает ее домашним эгоизмом и отсутствием больших целей.

Таким же было у Ольги и отношение к быту. Он казался излишним, тяготил. Именно поэтому дом на Рубинштейна поначалу так соответствовал ее представлениям о правильной жизни. Но житейская проза оказалась для ее ниспровергателей тяжелым испытанием. Быт переламинал не только любую идейность, но и тех, кто с ним боролся. Отсюда вся избыточная роскошь писателя-босяка Максима Горького, парижский автомобиль и костюмы Маяковского, собрание антиквариата в послевоенной квартире Берггольц. И как естественно и просто относились к быту люди – такие как Ахматова и Пастернак, – для которых материальная сторона жизни не была предметом ни борьбы, ни мучительных размышлений! Ольга научится это понимать и чувствовать гораздо позже, когда пройдет через многочисленные соблазны и искушения.

Но пока жизнь идет в русле ее коммунарских представлений. Вот она подает заявление о вступлении в партию на заводе «Электросила», а ей только двадцать два года. Ее завод, который она любит всем сердцем и считает своим, вместе с иностранными инженерами выпускает генераторы для гидроэлектростанций. В конце 1932 года в строй входит Днепрогэс, и Ольга чувствует себя участником большого общего дела, частью страны.

У них с Николаем рождается девочка: «...сероглазая дочка. Майка, – писала Ольга 3 октября 1932 года. – Я очень рада, что ребенок и что девочка. Я наполнена материнством до отказа. Когда я кормлю ее, мне кажется, что я перебираю ушами, как кошка, и шевелю хвостом... Она доставляет мне фактом своего существования – невероятное наслаждение. Приятно смотреть на ее уродливость, гримасы, даже на облезлую кожу...»

Жизнь можно было бы считать вполне счастливой, если бы Николай Молчанов, в декабре 1932 года вернувшийся из армии, был здоров. Однако его комиссовали из-за тяжелой формы эпилепсии, которую он получил в результате контузии, – на учениях рядом с ним разорвалась граната.

Он пришел в новый дом, когда Ольга уже родила дочку. Но с рождением ребенка жизнь в коммуне, где всё на виду, тяготит Ольгу. «Звукопроницаемость же в доме была такой идеальной, что, если внизу, на третьем этаже... играли в блошки или читали стихи, у меня на пятом уже было все слышно вплоть до плохих рифм. Это слишком тесное вынужденное общение друг с другом в невероятно маленьких комнатках-конурках очень раздражало и утомляло».

Со временем жильцы научились готовить себе еду на примусах в ванных комнатах. Нашлось применение и открытому солярию на крыше дома – его использовали для сушки белья. Так мечта о безытной жизни трансформировалась в реальность.

Последствия сплошной коллективизации не замедлили сказаться и на жизни города. Голод и отсутствие товаров – одежды, обуви, мебели, любых хозяйственных мелочей – вот к чему привела коллективизация.

Ответственность за чудовищное положение деревни Сталин возлагает на «враждебные кулацкие и вредительские элементы, которые, проникая в колхозы в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров, нередко и в качестве руководящих работников правлений колхозов, занимаются вредительством, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, подрывают трудовую дисциплину, организуют воровство семян, тайные амбары, саботаж хлебазаготовок»²⁹.

Ольга слушает речь Сталина и записывает в дневнике: «Как говорится – не подкопаться. Ясно, МУДРО, мужественно и просто. Будем работать стиснув зубы, преодолевая раздражение на то, что нет молока и жиров не то что для себя, а и для детей. Да, будем работать – иного выхода (слово не то) – нет».

И снова уговаривает себя: «Ничего, справимся. Но волю к жизни надо иметь большую...»

Но и личная жизнь требует от нее не меньшей воли.

25 июня 1933 года в местной больнице умирает от обезвоживания ее девятимесячная дочь Маечка. Это случилось на даче недалеко от станции Сиверской. Ольга и годы спустя не забудет это место, навсегда оставшееся для нее трагическим:

На Сиверской, на станции сосновой,
какой мы страшный месяц провели,
не вспоминая, не обмолвясь словом
о холмике из дерна и земли.

«Когда мы несли Маечку, – писала Муся в письме Либединскому, – шли через поле, и лесок был рядом... Мы поставили гроб на плечи и несли ее, мы несли ее на руках, оберегая от толчков, переходя через канавы». И спустя несколько страниц: «Ольга стала такая нервная, просто вся дрожит. Говорит, Николай плачет, бредит Майкой».

Четыре дня – бессонница и жалость.
Четыре дня Республика сражалась
за девочку в удушье и жару,
вливала кровь свою и камфару...
Я с кладбища зеленого иду,
оглядываясь часто и упорно
на маленькую красную звезду
над грядкою сырого дерна...
Но я – живу и буду жить, работать,
еще упрямей буду я и злей,
чтобы скорей свести с природой счеты
за боль, и смерть, и горе на земле.

Над могилой Маечки Ольга Берггольц ставит красную звезду. Она клянется Родине, что сможет свести «с природой счеты». Как это возможно? Окажется, что возможно. Слово уже сказано, написано и напечатано.

«И как странно я живу! – подводит итог Ольга тем страшным дням. – Ирина, Николай, самое дорогое – ежеминутно хочет уйти от меня, – как бы предчувствуя самое страшное, пишет она в дневнике. – А Майки уже нет... Но ведь так у всех, такая жизнь и есть, рождение – гибель – рождение, это ее “основная жила”, обрастающая дипломатией, социальными

²⁹ Сталин И. О работе в деревне. Речь 11 января 1933 г. // Правда. 1933. № 17. 17 января.

категориями, литературой. Как надо быть проще, животней что ли, и (ведь) чем выше интеллект, тем животней человек!»

И жизнь действительно, словно сопротивляясь ее идейным устремлениям, становится насквозь физиологичной. Ольга часто лежит в больницах. Аборты и выкидыши теперь становятся непрерывными. Это какой-то страшный физиологический морок, из которого на десятилетие ее не выпускает жизнь. Это не она сводит счеты с природой, а природа бьет и бьет ее.

Болеет старшая дочь – Ирочка. У нее осложнение после ангины – эндокардит. Припадки эпилепсии у Николая. «Нет, никто, никто, только он. Как он улыбается, еще не придя в себя, и тянется ко мне – откуда-то из тьмы припадка. Лицо у него, как у Святого, и хочется заорать или умереть».

Казалось бы, несчастья должны еще больше сблизить любящих. Но Николай вернее видит реальное положение дел в стране. Он понимает, что жизнь людей с каждым годом становится хуже. Ольга же, хоть и мучается вопросами и сомнениями, но упорно продолжает убеждать себя: надо все вытерпеть – и новая жизнь непременно наступит.

«Меня вывезет жизнь...»

В начале тридцатых годов Ольга Берггольц работает в издательстве «Детская литература» вместе с Маршаком, пишет стихи, прозу, детские рассказы. Ее повесть «Углич», написанную по заданию Маршака, прочел Максим Горький.

25 октября 1932 года он отечески наставлял ее: «Прочитал Вашу книжку. Славная, задорная, но – впечатление такое, что Вы торопились. Нередко чувствуешь, что на этой странице – недосказано, а здесь автор слишком бегло описал фигуру, там – недоконченное – недописанное лицо... Всегда очень важно первое впечатление читателя, первая фраза книги: это важно, как в музыке первые такты, как в картине – решающая краска. Вы начали книгу диалогом, что всегда создает впечатление эскизности, и это – очень старый, избитый прием. “Стой! – вскричал седок”. Читатель сначала хочет видеть, каков седок, извозчик, лошадь, какова – улица, погода. Вам необходимо взяться за дело серьезно, у Вас есть хорошие данные. Вы зорко видите, немало знаете. Но – Вам не хватает языка для того, чтобы одевать материал Ваш красиво, точно и прочно. Так-то, сударыня! Получили трепку»³⁰.

В дневнике она с восторгом пишет: «27 октября. Приехал Маршак и говорит, что Горькому понравился “Углич”... Горький сказал, что много срывов и т. д., но что, безусловно, талантливо... Писатели, написавшие плохие книжки, – утешаются, когда только слышат магическое слово – талантлив. Я знаю, что я талантлива, иногда я думаю, что только я это как следует знаю. Но все, что я писала до сих пор, – было почти плохо. “Глубинка” в какой-то мере слабее “Углича”, и в дальнейшем я в основном пойду по линии “Углича”. ... Говорят, что Сталин сказал – “для нас писатель важнее, чем строитель танков, потому что танки – орудие смерти и разрушения, а писатель – делатель человеческих душ, человеческая душа – дороже танка...”»

Ольга пересказывает слова Сталина на закрытом собрании писателей. Они уже стали легендарными и передаются из уст в уста, переиначиваются, в них слышатся разные смыслы. На самом деле на вечере 26 октября 1932 года в доме Горького Сталин, в ответ на реплику Ворошилова о производстве машин, танков и авиации, сказал, что «производство душ важнее вашего производства танков». Эти слова о «производстве душ» смущали даже Корнелия Зелинского³¹, записавшего хронику того вечера.

При всем том Ольга смотрит на свое место в литературе достаточно трезво. 21 сентября 1933 года она пишет: «В литературе ко мне относятся, конечно, несерьезно. За исключением разве “Молодой гвардии”. Я стою на глубоком отшибе от плеяды признанных – Корнилов, Прокофьев, Гитович и др. Имя мое упоминается только когда говорят о детской литературе. Обо мне ходят анекдоты как о приспособленке. Высмеивают мой “энтузиазм”, “увлечение заводом”. Сегодня Б. Корнилов сказал – “что я слышал, будто бы у тебя было где-то напечатано стихотворение:

Лаской вымолила у Вани я,
Чтоб вступил он в соревнование”?

Пускай. Торопиться нельзя, нельзя выказывать желание “признания” – ни словом, ни делом. Я иду честным и очень трудным путем. Я буду заниматься историей завода, буду отдавать ей свою лучшую энергию, то мизерное пока еще мастерство, которое у меня есть, буду

³⁰ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 263.

³¹ Корнелий Люцианович Зелинский (1896–1970), критик, идеолог литературного конструктивизма; в середине 30-х гг. – секретарь А. М. Горького.

работать над “проблемными” рассказами, над “женскими стихами”, над детскими книгами. Меня вывезет жизнь, мое нелитературное участие в ней, моя принадлежность к партии. Я не сомневаюсь в том, что я талантлива. У меня нет культуры, нет жизненной закалки, нет глубины ума. Все это будет. Я сделаю книги, нужные и любимые теми, кто будет их читать...»

Вера в то, что в литературу ее выведет «принадлежность к партии», которая для немалого числа писателей стала жизненным кредо, для Ольги превратится в ту бетонную стену, о которую она будет биться головой всю вторую половину жизни.

Теперь, когда разогнана РАПП, руководство литературой, как кажется многим, возьмут на себя не авербахи, киршоны и либединские, а сами писатели и серьезные люди из партийного руководства.

Готовится Первый съезд писателей, который предваряет поездка писателей на Беломорканал.

Эту поездку, организованную чекистами, возглавляет Леопольд Авербах. Он близко связан с Генрихом Ягодой, поэтому владеет всеми механизмами взаимодействия чекистов и писателей. Такие люди еще нужны. Главной же целью поездки была работа по подготовке книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», авторами которой стали Б. Агапов, С. Буданцев, Е. Габрилович, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Инбер, В. Катаев, М. Козаков, А. Толстой, В. Шкловский и многие другие.

Экскурсия была прекрасно организована. Сначала широкое застолье в гостинице «Астория», потом писатели сели на пароход «Чекист», где их обслуживали работники ОГПУ. И наконец, встреча с заключенными. В хорошо пошитых комбинезонах «каналоармейцы» встречали литераторов возле аккуратных домиков, к которым вели посыпанные песком дорожки. Все как один готовы к перековке и рассказам, как встали на путь исправления.

По итогам поездки писателями было написано много благодарственных писем главе НКВД Генриху Ягоде.

Товарищ Ягода!

Великолепный канал, возвращение тысяч людей в семью трудящихся – это только результат, только следствие. Все это следствие светлого разума партии, железной энергии и преданности пролетарской революции отборных большевиков, работающих в ОГПУ и руководивших строительством канала и перековкой людей. Писатели это поняли. Мы рады сообщить это вам, первому руководителю строительства.

*В. Кирпотин, Л. Авербах*³²

Авербаху кажется, что, несмотря на опалу и ссылку в Свердловск, он скоро вернется на властный Олимп. Ему благоволит Горький. Он руководит изданием книги о Беломорканале. Однако его кандидатура не проходит в оркомитет съезда писателей, и это для Авербаха дурной знак.

А Ольгина литературная жизнь вполне благополучна. Весной 1932 года в газете «Наступление» она с комсомольским задором обличает обэриутов: «...основное в Хармсе и Введенском, – пишет она, – это доведенная до абсурда, оторванная от всякой жизненной практики тематика, уводящая ребенка от действительности, усыпляющая классовое сознание ребенка. Совершенно ясно, что в наших условиях обострения классовой борьбы – это классово-вредная контрреволюционная пропаганда». У нее уже сложилось ощущение, что ей-то хорошо известно, что нужно писать для детей, а что нельзя. При этом она все-таки не готова жить в линейном мире советской пропаганды. «Да, у нас мало “своего” мышления, мы однообразны, как китайцы», – пишет она в дневнике в 1934 году. У нее много вопро-

³² Письма писателей о впечатлениях от экскурсии на Беломоро-Балтийский канал // Между молотом и наковальней. Документы и комментарии. 1925 – июнь 1941 г. Т. 1. М., 2010. С. 260.

сов к литературному движению, но дискуссии после тридцатых годов отменены, а жизнь за окном – карточки, спецталоны, прикрепление к магазинам – Ольга объясняет себе, как всегда, борьбой за социализм. Правда, ей кажется, чтобы идти вперед, надо не обманывать людей по радио и в газетах, а открыто говорить, с какими лишениями сталкивается страна при строительстве светлого будущего.

Ольга пытается определить правила, которые власть установила для писателей, но выводы, к каким она приходит, неутешительны.

«...Официальная мораль – это творчество Вали Герасимовой³³, высказывания Либединского – т. е. все схематическое, условно-социологическое (знаки), рационалистическое, роковым образом несущее привкус ханжества. Знаки, схемы. Но Юра считает, что все это декретируется ЦК... Они же показывают нам образцы правды, взять XVII съезд, взять доклад Кобы... Нет, или я ничего не понимаю, или, вернее, там кое в чем ошибаются».

После появления ее первой «взрослой» поэтической книги «Стихотворения», редактором которой был Николай Тихонов, Ольгу принимают в члены только что образованного Союза писателей. Теперь она мечтает написать серьезную книгу. То думает взяться за роман из жизни Невской заставы, где прошло ее детство, то возвращается к истории завода «Электросила» – большой очерк она обещала еще Горькому. А потом вдруг загорается идеей написать повесть для детей «Дзержинский» и для этого хочет обратиться к заместителю главы УНКВД по Ленинградской области И. В. Запорожцу.

Убийство Кирова кардинально меняет атмосферу в стране: чистки, аресты, высылки. Многие сотрудники НКВД, в том числе и Запорожец, исчезают.

Ольга Берггольц еще не знает, как отзовется смерть Кирова на ее жизни и жизни ее друзей. В эти дни она оплакивает его в своих стихах.

Мы с мертвыми прощаемся не сразу:
всё не смириться сердцу, не понять...
К зиянью смерти не привыкнуть глазу,
устам не разомкнуться, не сказать.

И в миг прощанья с гордым и любимым,
когда сквозь город двигался лафет,
«Да!» – грозно говорил рассудок.
«Нет!» —
ответила душа неукротимо.

³³ Герасимова Валерия Анатольевна (1903–1970), писательница, первая жена Александра Фадеева.

Юрий Герман

Судьбу писателя Юрия Германа, как и судьбу Ольги, определил Горький. Одну из первых книг молодого автора «Вступление», появившуюся в 1931 году, рапповцы традиционно окрестили «вылазкой классового врага». После такой «рецензии» Герману просто-напросто перестали давать продуктовые карточки.

А между тем в книге описывался некий Оскар Кельберг, немецкий ученый и инженер, который не мог реализовать свои гениальные открытия ни на родине, ни на шанхайской фабрике в Китае. И только когда он попадает в Советский Союз, то находит применение своим идеям.

Несомненно, Герман писал роман под влиянием «Зависти» Олеши, что было понятно с первых же строк. Его Оскар Кельберг до крайности походил на Андрея Бабичева – директора треста пищевой промышленности из романа Олеши. Рапповцы нашли роман подозрительным. Германа и его молодую семью оставили без куска хлеба.

Но случилось так, что 6 мая 1932 года Горький, выступая перед журналистами в Московском доме ученых, вдруг сказал, что есть такой двадцатилетний писатель Юрий Герман, который описал немецкого изобретателя-химика, и, несмотря на недостатки, у автора получилась интересная книга. После столь внезапного признания Герману вернули карточки и паек.

С Горьким Юрию Герману удалось встретиться только в 1933 году. Но при личной встрече великий пролетарский писатель Германа разругал: критиковал языковые неточности, «болтовню», общие места, упрекал в том, что тот пишет о вещах, ему неизвестных, и оттого выдумывает всякие нелепицы. Однако по роману был поставлен спектакль Всеволода Мейерхольда, что сделало начинающего литератора знаменитым. Так Горький стал крестным отцом Юрия Германа, как в свое время Ольги Берггольц.

Германа с Ольгой познакомили их общие друзья – молодые критики Лев Левин и Юз Гринберг. Они привели его к ней в дом на улице Рубинштейна, и с тех пор он стал там часто бывать. Конечно же, она ему понравилась. Она была хороша даже в своей красной косынке, которой повязывала светлые прямые волосы. И он ей нравился, правда, дальше поцелуев их отношения не зашли. Но несмотря на то что их время от времени бросало друг к другу, на идеологической почве они непримиримо сталкивались. И тем не менее почему-то не расставались.

«11 апреля 1934. Вчера из Петергофа вернулся Юрий Герман, – писала она в дневнике. – Я знала, я была уверена, что он зайдет ко мне, и он зашел в 11 1/2 ч. ночи. Пошли с ним на солярий к друзьям и сидели там до 2-х часов, разговаривая. Он еще зеленый, сопливый. Имея правильные наблюдения и “гражданскую скорбь”, делает слишком вольные обобщения. Основной его тезис – “у нас нельзя писать правду”».

Она пыталась внушить ему свои взгляды на современность, говорила, что нельзя все время выбирать или не выбирать социализм, когда проблема уже решена. Социализм строится, и его хрустальное здание будет возведено совсем скоро. А Германа раздражала Ольгина советская правоверность: он же был очень ироничен, осторожен в оценках и недоверчив. Лев Левин вспоминал, как на каком-нибудь писательском собрании, когда слово предоставлялось Берггольц, Герман шептал другу: «Сейчас обзовет меня “попутчиком” или начнет выдавать про успехи промышленности. Неужели кто-нибудь думает, что это и есть знание жизни? Это же просто цитаты, надерганные из передовых»³⁴. Гораздо раньше многих он почувствовал мертвую хватку соцреализма и в своем творчестве все больше углублялся в

³⁴ Левин Л. Дни нашей жизни. С. 186.

рассказы о людях различных профессий – медиков, чекистов, под видом детективов создавал убедительные картины своего времени.

Отношения с Германом заметно расстроились после того, как Ольга написала в 1935 году в газете «Литературный Ленинград» разносную статью о его романе «Наши знакомые». Статья называлась «Жизнь, которая остановилась». Это вызвало недоумение и раздражение ее близких друзей. Она же, словно чувствуя их реакцию, яростно писала у себя в дневнике: «Снесла статейку в “Литературный Ленинград” Юзьке Гринбергу. Сказал, что Юра изойдет – ну и пусть. А злиться он будет главным образом потому, что я права, потому что там много скрытой полемики именно с ним. А если он честный писатель, то увидит, что я права. Пожалуй, будут потешаться над “ортодоксией” <...> Нет, нет, я права. Не дело забывать об этом, не дело отказываться от литературного выражения того, что нас трепало, било и поднимало, и в жестокости, в беспощадности открывало перед нами сияющий новый мир. Это называется – классовая борьба, и не все мы сразу ей научились. Юрка бежит от ее изображения. “Она занимает одну десятую жизни”, – говорил он. Щенок! А насчет гуманизма – я тоже права. Его у нас обсопливливают. И нельзя орать о какой-то неопределенной “человечности” в то время, когда вокруг нас организуется блок фашистских государств. Беспощадное уничтожение фашистов – вот высокая задача советского гуманизма. Не вызывающе ли это? Написала отрицательную статью об Юрке – а литсреда знает, что мы крутили с ним... Сплетничать будут, потешаться и т. д. Но статья – умная, в ней есть мысль, есть эмоция, есть, наконец, партийность, и стихи – неплохие. Не боюсь никого. Вот вам. Где теперь друзья твои? Не знаю: Может быть, и не было друзей».

Так она будет терять друзей – одного за другим. И только последующие трагические события снова соединят ее с Юрием Германом – и уже до самого конца жизни.

Смерть Ирины

Ольгу печатают. Социализм строят. Но уже идут аресты ее товарищей. Она должна себе это как-то объяснить – и объясняет в дневниковой записи от 3 апреля 1936 года: «Положение вообще в Союзе не из веселых, по партийной линии много исключений, арестов и т. д. “Иду по трупам?” Нет, делаю то, что приказывает партия. Совесть в основном чиста. А мелкие, блошинные угрызения – вероятно, от интеллигентщины. По “человечеству” жаль Левку Цырлина, Женьку Мустангову, Майзеля³⁵, но понимаешь, что иначе нельзя. Ведь действительно, ни Женька, ни Майзель не поступали так, как должны были поступать, – не отмежевались, не проклинали Горбачева, а когда я подумаю, что была с этой мразью 31 ноября 1934 г. на Свири, на одной эстраде, в одном купе, и 1 декабря, когда убили Кирова, а он знал, вероятно, о том, что готовится в Ленинграде, я сама себе становлюсь мерзка, хотя ничего, кроме злобы и вражды, между мной и Горбачевым ни на секунду не было».

«Иду по трупам!» – может, это чья-то оскорбительная реплика влетела на страницу Ольгиного дневника? Или это говорил ей внутренний голос? Как бы то ни было, Ольга отвечает: «Делаю то, что приказывает партия».

Некоторые слова в дневнике подчеркнуты жирным красным карандашом. Их подчеркнула рука чекиста. Эта рука работала с Ольгиным дневником, когда она была арестована в конце 1938 года. Чекиста не заинтересовали слова про партию, но не оставили равнодушными имена и характеристики Ольгиных знакомых.

Кто же этот прокливаемый Ольгой Горбачев?

Георгий Ефимович Горбачев был один из грамотных и образованных большевиков. Член партии с 1919 года, он соединял профессорскую образованность с фанатичной верой в коммунизм. С 1923 года преподавал в ЛГУ, был профессором Ленинградского института философии, истории и лингвистики, главным редактором журнала «Звезда» в 1925–1926 годах, автором ряда работ по истории и теории литературы. Роковую роль сыграло его близкое знакомство с Троцким. Горбачев был арестован 10 декабря 1934 года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной «зиновьевской» группе и находился в Верхне-Уральском изоляторе.

Евгения Мустангова была его гражданской женой. На юную Женю Мустангову Горбачев обратил внимание, когда та была еще студенткой. Он стал ее учителем, наставником, ввел в большую литературу. Горбачев сформировал группу молодых талантливых критиков, куда входила и Женя. Она писала умные статьи о Маяковском и Пастернаке. Ольга относилась к ней уважительно.

В «Литературной энциклопедии», вышедшей до рокового убийства Кирова, помещена следующая заметка о ней: «Мустангова Е. (псевдоним Евгении Яковлевны Рабинович), 1905 года рождения. Современный критик. Примыкала к левонапостовскому меньшинству ВАПП, затем к группе “Литфронт”».

Евгения была арестована и расстреляна 4 ноября 1937 года.

³⁵ Цырлин Лев Вениаминович (1906–1942), литературовед, один из критиков формализма, погиб в блокадном Ленинграде. Мустангова Евгения Яковлевна (1905–1937), литературный критик. Когда 29 ноября 1936 года она была арестована, ее мать обратилась к ленинградским писателям, знавшим Евгению, с просьбой заступиться за нее, а для этого подать ходатайство о пересмотре ее дела. Целая группа писателей выступила в защиту Мустанговой, но безуспешно. Майзель Михаил Гаврилович (1899–1937), критик, литературовед. Примыкал к левонапостовскому меньшинству ВАПП и группе «Литфронт». Автор книг «Новобуржуазное течение в советской литературе» (1929), «Вячеслав Шишков. Критический очерк» (1935) и др. Отбывал наказание на Соловках. Приговорен Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Расстрелян 4 ноября 1937 г. Место захоронения – в Карелии (Сандармох). *Источник: Ленинградский мартиролог: 1937–1938.*

В пятидесятых годах вернулся в Ленинград из Норильска Зиновий Штейман, добрый знакомый Мустанговой, входивший в одну с нею литературную группу. Он рассказал некоторые подробности о заседании суда, на котором вынесли приговор Жене.

Она обвинялась вместе с группой коллег, последнего слова осужденным не дали. Штейман сидел рядом с Женей, держал ее за руку. Она была спокойна, полностью владела собой. Ее приговорили в десяти годам заключения и к пяти – поражения в правах. Всех, проходивших по делу, отправили на Соловки. Позднее Штеймана вывезли в Норильск, о судьбе остальных он ничего не знал.

В начале 1935 года Ленинград захлестнул так называемый «кировский поток». Каждый день с Московского вокзала уходил состав с высланными. Высылали целыми семьями. Этот поезд с долей черного юмора в народе называли «Дворянская стрела». Местная ленинградская власть руководствовалась закрытым письмом ЦК от 18 января 1935 года, в котором утверждалось: «Ленинград является единственным в своем роде городом, где больше всего осталось бывших царских чиновников и их челяди, бывших жандармов и полицейских... Эти господа, расползаясь во все стороны, разлагают и портят наши аппараты»³⁶.

В дневниках Любви Шапориной читаем: «В несчастном Ленинграде стон стоит, и были бы еще целы колокола, слышен был бы похоронный звон. Эти высылки для большинства – смерть... Творится что-то чудовищное, неопишное. Высылаются дети, 75-летние старики и старухи... В институте Лесгафта семь человек из политкаторжан – три семьи высылаются. Ссылают в Тургай, Вилуйск, Агбасар, Кокчетав, куда надо 150 вест ехать на верблюдах, а куда только на собаках. По каким признакам?

Бывших дворян, аристократов, оппозиционеров, детей священников, мало-мальски состоятельных людей, имеющих родных за границей и без признаков вообще. И главным образом старых петербуржцев»³⁷.

³⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. URL: <http://doc20vek.ru/node/344>.

³⁷ Шапорина Л. Дневник: В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 189–190.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.